

ХАННА КИМ

ЦЕФЕИДЫ. КАССИОПЕЯ

ОНИ — МАЯКИ ВСЕЛЕННОЙ

Ханна Ким

Цефеиды. Кассиопея

Серия «Хиты молодежной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68292523

*Цефеиды. Кассиопея:
ISBN 978-5-17-150063-4*

Аннотация

Если Вселенная бесконечна, какова вероятность, что в разных ее уголках существуют похожие миры? Возможно, в одном из них ты счастлив и живешь той жизнью, о которой всегда мечтал, без сожалений, с уверенностью в собственном будущем. Быть может, там даже небо другого цвета, а звезды складываются в неизвестные созвездия, и лишь одно из них тебе знакомо.

Мингю никогда не задумывался о том, какой могла бы быть его жизнь, родился он в другое время или в другом мире. Он уверен, что для него итог всегда будет один. Вселенная считает иначе, когда дает ему шанс прикоснуться к другой реальности. По ту сторону зеркала небо действительно непривычного цвета – сиреневое. Но там нет самых близких друзей, а единственный, кто может помочь, – соседский ребенок, который в этом мире старше на десять лет.

Содержание

Плейлист	5
1	6
2	43
3	74
4	100
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Ханна Ким

Цефеиды. Кассиопея

© Ким Х., 2022

© ООО «Издательство «АСТ», 2022

Плейлист

Nothing But Thieves – Neon Brother

Ty Dolla Sign & Future feat. Kiiara – Darkside

Five Finger Death Punch – Cold

Jaymes Young – Feel Something

Poets Of The Fall – Standstill

Ruelle – Live Like Legends

Thirty Seconds To Mars – Rescue Me

My Darkest Days – Come Undone

RAIGN – Wicked Games

Poets Of The Fall – Carnival Of Rust

Billie Eilish, Khalid – Lovely

PVRIS – You And I

– В общем, как-то так.

Санхён прокручивает на указательном пальце кольцо со звенящими на нем ключами и лениво надует пузырь из жвачки. Мингю отстраненно вслушивается в шарканье подошвы чужой обуви и перехватывает ручку дорожного чемодана другой рукой, не имея ни малейшего понятия о том, что вообще думать и как быть. Думать, стоит отметить, нужно в срочном порядке, причем рационально и трезво, а не как обычно, но мозги шевелиться отказываются, попросту застыв мертвой неподвижной массой в его голове.

– Спасибо, – нехотя давит из себя Мингю – не потому, что благодарить не за что, а потому, что не привык получать помощь из ниоткуда. Честно говоря, Санхён мало чего общего имеет с этим противоречивым «ниоткуда» – просто он привык рассыпаться в своей бесценной помощи направо и налево. Даже если не просили. Даже если Мингю четко и ясно дал понять, что подачки ему не нужны, что он вполне в состоянии самостоятельно справиться с беспросветной задницей, которая со смачным чавканьем зажевала его, даже кольца с рук не выплюнув потом, будто рыбы кости.

– На том и порешили. – Санхён подкидывает ключи в воздух, ловит и бросает их Мингю, но того природа ловкостью не одарила – приходится наклоняться и слушать хруст пояс-

ницы. – Можешь оставаться здесь столько, сколько посчитаешь нужным. С родителями я уже поговорил.

– Спасибо, – во второй раз жует Мингю слово это непривычное, но даже не пытается его распробовать – отплевывается скорее и думает, что ну вот как так угораздило.

В маленьком дворе, спрятанном за железным забором, который покрашен темно-зеленой краской, потрескавшейся еще лет десять назад, нет ничего, кроме чахлого деревца, пары ящиков и старой скамейки почти у самого входа в одноэтажный домик. С навеса над крыльцом срываются тяжелые капли после ночного дождя, собираясь в лужу на бетонном выступе. Мингю переступает с ноги на ногу, слушая хлюпанье влажной земли под кедами, и так нестерпимо хочет развернуться и просто уйти, что сил никаких нет. Но он не уходит – взглядом пересчитывает зубы дареного коня, подмечая кариес тут и там.

Санхён поднимает ногу и смотрит на грязь на подошве, а затем с невозмутимым видом ступает в редкую траву возле забора и вытирает о нее ноги. Мингю наблюдает за ним с некой обреченностью. Все еще хочет сбежать и позволить внезапно ставшим неприветливыми улицам Сеула проглотить себя. Может, в желудке мегаполиса не так уж и плохо. И не нужно обременять себя чужой добротой, стоящей поперек горла.

– Ты давай только это, не начинай, – жует жвачку Санхён, – гордость штука многогранная и не то чтобы плохая,

но сейчас она для тебя – непозволительная роскошь.

– Дело не в гордости, – сердито обрывает его Мингю.

Ответом ему служит усталый вздох, а следом скрип ка-литки. Санхён оборачивается перед тем, как уйти:

– Съемщики всегда оставляли после себя бардак и кучу ненужных вещей, которые с годами накопились, поэтому не удивляйся горам хлама.

Он бросает Мингю наедине с грязным двором, покосив-шимся домиком и тлеющим внутри желанием быть прогло-ченным улицами Сеула. Улицы отвечают ему протяжным ре-вом мотоцикла где-то невдалеке, грозно прерывая им стук дождевых капель, по-прежнему тяжело срывающихся с кар-низа над крыльцом. На небольшой грязевой луже возле од-ной из ножек скамейки вздувается и сразу же лопается пу-зырь. Дареный конь улыбается полусгнившими зубами и нетерпеливо взмахивает хвостом, а Мингю понимает, что все-таки будет проглочен, но отнюдь не мегаполисом, что блестит окнами многоэтажек, а задворками Синчхона, где один косой дом на другом, а из-за забора проглядывает чу-жое белье, сохнувшее на солнце. Удивительно, как такие тру-щобы гармонично вписались в самый центр столицы.

Он вздыхает глубоко, делает шаг в сторону крыльца и по-казательно и с размаху наступает в лужу на выступе. Щелка-ет дверным замком.

Пять лет назад жизнь была другой совсем. Пять лет на-зад сам Мингю был другим: улыбался как-то теплее, шире,

охотнее, не хотел пропасть на улицах уже давно знакомого, хоть и не родного города, смотрел вперед с надеждой глупой такой, но беспощадной к ссадинам на коленях, которые он разбивал всегда, когда падал. Надежда беспощадная и милосердная одновременно. Огоньком внутри горящая. Теперь же ссадины на коленях не затягиваются, а плечи оттягивает вес пяти прошедших лет, которые раньше легкими были и воздушными. Которые были будущим, прошитым мечтами.

А потом приходится бросить учебу на четвертом курсе, потому что бабушке диагностируют рак последней стадии. Мингю свою бабушку всегда очень любил, она была всей его семьей, заменила ему родителей, которых не стало, еще когда он в садик ходил. Вот так раз – и не стало. А следом за ними и бабушки самой. Мингю один остался. И одиночество это легло на голову колючим венцом.

А теперь что? А теперь двадцать пять уже, незаконченное высшее образование грузом прошедшего времени, пятое по счету увольнение за последние пару лет и отсутствие средств к существованию. Теперь вот приходится на горло своим принципам наступать и принимать помощь от друга детства, с которым когда-то вместе в садик по соседству ходил. Мингю честно пытался, правда. Съехал со съемной квартиры сразу же, как оплаченный месяц истек, кантовался в дешевых гошивонах¹ на последние деньги, попутно искал

¹ Гошивон – маленькие жилые помещения, пользующиеся популярностью у бедного слоя населения, рабочих-мигрантов и студентов. Обычно размер комна-

другую работу, но попытки сломанные вещи заново склеить – занятие такое себе. Вот и Мингю не клеился, хоть и не вещью был, а очень даже живым человеком. Вроде. По первости точно.

У Санхёна глаз наметанный, зоркий такой, Санхён раскусил его сразу почти, к стенке буквально припер, обвинил в ненужной глупости, заставил чемодан застегнуть и ехать сюда, на Синчхон. Мингю поехал – смотреть дареному коню в гнилые зубы и радоваться тому, что хоть такие есть. Может, потом на стоматолога ему заработает.

Внутри дом выглядит куда лучше, чем снаружи, но приступ облегчения Мингю пока не ловит – обходит сначала две небольшие комнаты с кроватью и рабочим столом в одной из них, разглядывает крохотную, но вполне уютную кухню, изучает ванную, находит стиральную машинку рядом с кладовкой и все-таки успокаивается. Садится в кресло в гостиной, устало вытягивает ноги и смотрит в потолок, на котором черным разрезает белое трещина.

Санхён не преувеличил – хлама чужого действительно валяется много по углам. Спустя полчаса Мингю находит в шкафу ворох поношенной одежды, в кухонных шкафчиках – просроченные консервы и вскрытую полвека назад пачку кукурузных хлопьев, которые уже давно отсырели. Он бежит с веником и совком по всему дому не меньше четырех часов,

ты не превышает 4 м², кухня и ванная – общие для всего этажа (здесь и далее прим. авт.).

сгребают в мусорные пакеты хлам непонятного назначения и проклиная свою чистоплотность, по которой так любил проезжаться танком с шуточками Тэён. Мингю именно Тэёна и вспоминает, когда смотрит на чьи-то штаны со смачными следами кетчупа. Странные ассоциации такие, надо сказать, но кого еще ему вспоминать, если именно Тэён с ехидной рожей всегда вытирает жирные после пиццы руки о свои джинсы. А иногда и о джинсы Мингю – просто чтобы полить немного.

Своих вещей у Мингю мало совсем. Одежда занимает лишь две полки в шкафу, ноутбук находит свое место на рабочем столе, а любимая кружка – на кухне возле электрического чайника. Он долго заглядывает во все ящики подряд и ищет настольную лампу, уже представляя, как будет разворачивать ее плафоном в лицо Тэёну с вопросом «вымыли ты руки, свинота», но лампы нет нигде, хотя быть должна. И она находится – на самой верхней полке в кладовке, которая по размеру оказывается в половину кухни. Здесь бы даже можно было устроить атмосферный кабинет, если бы помещение не было до самого потолка завалено хламом, который сюда, судя по всему, сваливали несколько лет подряд. Первой мыслью становится вынести это все во двор, устроить ритуальный костер и подпалить облака, но Мингю только оглушительно чихает и спрыгивает вниз с зажатой в руках настольной лампой.

На выходе он больно запинается босой ногой обо что-то и

чуть не падает, но вовремя хватается за косяк, прижимая к груди лампу, чтобы не дай бог не уронить. Негодующий мат мгновенно заполняет полупустые комнаты.

Растирая свободной рукой ушибленный палец, Мингю смотрит на что-то большое и прямоугольное, прислоненное к стене у выхода. За плотной темно-серой тканью, напоминающей старую штору, было не разобрать, обо что Мингю только что чуть не убил в мясо мизинец. Он ставит лампу на пол, хватается обеими руками за тяжелую ткань и рывком сдергивает ее.

А потом глядит на свое отражение во весь рост, вздрогнув в первую секунду от неожиданности. Делает шаг вперед, лицо приближает и всматривается в рисунок радужки своих глаз. Как будто там можно прочесть совет, что делать со своей никчемной жизнью дальше. Он смахивает со щеки выпавшую ресницу и закатывает глаза в ответ своим мыслям.

Снаружи громко скрипит, а после хлопает калитка. Мингю выпрямляется. Кого там еще нелегкая принесла? Соседей?

– Хён²? Ты дома?

Лучше бы соседей.

Внутрь кладовки заглядывает Чонхо; его волосы сильно взъерошены из-за ветра на улице. Он шмыгает носом и улыбается:

² Хён – обращение в корейском языке к старшему брату или другому старшему парню среди мужчин.

– Ты чего тут делаешь?

– Это ты чего тут делаешь? Кто адрес дал? Санхён? – ворчит Мингю, поднимая с пола лампу.

– Ага. Я кимпап³ принес, – Чонхо достает из-за спины шуршащий пакет, – мама передала.

Мингю вздыхает и проходит мимо него в сторону спальни. Ставит лампу на стол, подключает к розетке, упорно делает вид, что один в доме. Чонхо стоит чуть позади и перекатывается с пятки на носок, с интересом наблюдая за каждым его действием.

– Домашку бы лучше делал, мелкий, – бросает Мингю, не оборачиваясь.

– Я уже сделал, – довольно оповещают его, а он снова вздыхает, чувствуя себя старым и больным человеком, которому покоя даже в гробу не дадут.

Нет, Мингю к Чонхо относится очень хорошо, но этот ребенок порой бывает непозволительно надоедливый – вот как сейчас. Хотя даже его надоедливость не то чтобы Мингю так уж сильно раздражает, но именно сегодня как никогда хочется просто побыть наедине с собой и попытаться разложить по полочкам все, что осталось от его жизни.

Чонхо было восемь, когда мама привела его к Мингю, живущему по соседству, и чуть ли не со слезами на глазах попросила присмотреть за сыном. Мингю тогда только на вто-

³ Кимпап – популярное блюдо корейской кухни, представляет собой роллы с начинкой из ветчины, омлета, овощей и пр.

рой курс перешел, а занятия часов до четырех длились – он понятия не имел, откуда соседка узнала, что вечера он чаще всего проводит дома, но все-таки как-то узнала. Отказать у него духа не хватило – слишком потерянно выглядела женщина, сжимавшая руку ничего не понимающего сына.

– Я медсестра, – объясняла она, – и сегодня меня вызвали на ночное дежурство. За сыном некому присмотреть. Его бабушка переехала в пригород и...

– Ладно, – прервал ее Мингю, не сумев скрыть легкого раздражения в голосе, – но только сегодня.

Сегодня плавно перекатилось в завтра, а потом в следующую неделю, и в итоге Чонхо бывал у него дома чаще, чем у себя. Сам Мингю такому раскладу первое время был совсем не рад, но довольно быстро привык к этому любознательному карапузу со смешной улыбкой и перестал испытывать дискомфорт в его присутствии.

Большую часть времени Чонхо валялся где-то на полу и делал домашнее задание в школу, ничем Мингю не мешая, но иногда начинал носиться по всей его крохотной квартире и вопить, что хочет мороженого/сходить в «Лотте Ворлд»⁴/поиграть в компьютерные игры/нужное вставить, и если сначала Мингю шикал на него недовольно и грозился выставить за дверь, то спустя месяц молча доставал из морозилки мороженое и затыкал им Чонхо рот, а однажды потратил выходной на то, что водил мелкого в тот самый «Лотте Ворлд».

⁴ Парк развлечений в Сеуле.

Одним словом, обзавелся младшим братом, о котором никогда не просил. Переезжал потом не раз, но от брата непрощенного отвязаться так и не смог уже.

– Шел бы ты домой. – Мингю берет из чужих рук пакет.

– Мама опять на дежурстве в ночь.

– А тебе уже не восемь, чтобы бояться одному дома оставаться, – усмехается он и треплет Чонхо по волосам.

– Ну хватит, – отмахивается тот.

Чонхо уже двенадцать, он учится лучше всех своих сверстников, обыгрывает Мингю во все игры, но все равно на голову ниже него. А еще он раздражается, когда с ним обращаются как с маленьким. Мило же.

– Мама сказала, чтобы я заносил тебе поесть, – семенит он следом за Мингю на кухню, – а то ты так с голоду помрешь.

Мингю замирает с кимпапом руках, сжимает слегка фольгу, в которую тот обернут, и бросает быстрый взгляд на Чонхо. Мельком совсем, не хочет долго смотреть на его взволнованное лицо, не нужно ему беспокойство чужое через себя пропускать, ни к чему оно ему. Ни к чему, но он все равно его получает. Вот только встает оно комом в горле, и сглатывать совсем не получается.

Он молча жует кимпап и краем уха слушает чужое восторженное щебетание – на лабораторной по биологии Чонхо поставили в пару с самой красивой девочкой в классе. Мингю иногда прерывается, чтобы отхлебнуть воды из стакана, и жует все медленнее, с беззвучным внутренним вздохом ду-

мая о том, что сам не прочь опять стать школьником и быть счастливым от какой-нибудь ерунды вроде красивых одноклассниц.

Но одноклассницы уже все замуж вышли давно и детей нарожали, а Мингю сидит на крохотной кухне чужого дома, ест приготовленный не его мамой кимпап и слушает двенадцатилетнего мальчишку, который не его брат. У кого-то за плечами блестяще оконченный университет, карьера в двух шагах от своего пика, брак и, может, даже развод. А у Мингю только друг детства Санхён со старыми домами на задворках Синчхона, голосистый школьник Чонхо, чья мама вкусно готовит, да бывший одноклассник Тэён с ворохом неуместных шуточек и порой абсурдным поведением. Мингю просто король этого мира, не иначе.

– Ух ты! – слышит он чужой восторженный возглас со стороны кладовки, когда моет кружку в раковине.

– Что такое?

– Ты вообще видел это зеркало? – кричит ему Чонхо. – Иди сюда!

– Да видел я его, – ворчит Мингю, ставя кружку в сушилку, но все равно идет на знакомый голос. – Хватит копаться в чужом хламе, лучше пойдем фильм посмотрим, если ты все еще не собираешься домой топать.

Чонхо мотает головой и продолжает с ярким восхищением в глазах ощупывать деревянную раму зеркала, об которое Мингю часом ранее чуть не убил свой ни в чем не повинный

мизинец. Он выдыхает шумно и цокает языком, все-таки переводя взгляд на огромное зеркало. Наверное, оно и вправду красивое – Мингю не может сказать точно, ибо не ценитель антиквариата совсем, да и зеркала не особо любит. Тем более огромные такие. Тэён как-то сказал ему, что это потому, что он просто отвергает себя и отказывается принимать реальность. Возможно, прав он был, но точно не во всем – реальность Мингю принял давно уже. А вот себя, кажется, так и не вышло.

У зеркала резная рама из дерева красноватого оттенка; витиеватые узоры складываются по бокам в причудливые цветы, чуть выше – в ветви деревьев, на которых сидят птицы. Чонхо осторожно ощупывает раму, чуть надавливая пальцами на лепестки деревянных цветов; от его дыхания запотевает поверхность зеркала. Он поворачивается к Мингю, блестит глазами своими и просит:

– Поставь его у себя в спальне.

– Что? Еще чего, ни за что, – мотает головой Мингю и собирается уже выйти из кладовки, но его хватают за рукав футболки.

– Хён, – тянет Чонхо, – ну пожалуйста. Оно же красивое такое, ты посмотри, – продолжает уговаривать. – Если совсем не понравится, то уберешь потом. А? Ну давай, – делает щенячьи глаза.

– Тебе от этого что будет? – хмурится Мингю.

– Может, начнешь наконец замечать, когда глаза криво

подводишь.

– Вот шкет. – Он отвешивает мальчишке подзатыльник.

– Поставишь? – Чонхо будто даже не замечает, продолжая настаивать на своем.

Наверное, не стоило сдаваться так быстро, но эта мелочь зубастая всегда умела надавить куда надо своим просящим взглядом, поэтому уже через минуту Мингю с легким изумлением ловит себя на том, что тащит треклятое зеркало через маленький коридор в спальню. А оно тяжелое настолько, что потеряешь равновесие – навалится сверху, опрокинет на пол и раздавит насмерть. Чонхо помогает с другой стороны, но помощь, конечно, такая себе – они тратят на это откровенно бесполезное занятие около десяти минут, и когда Мингю все-таки прислоняет зеркало к стене рядом со шкафом, Чонхо радостно подпрыгивает и садится на пол, подпирая лицо обеими ладонями. Глядя на чужую улыбку, Мингю вдруг понимает, что готов и потерпеть немного зеркало это дурацкое.

Они смотрят какой-то боевик по старому телевизору, который явно принадлежал не Санхёну, а одному из предыдущих съемщиков, и когда время приближается к десяти, Мингю начинает бухтеть усерднее, потому что Чонхо домой не собирается, наоборот – ходит по дому туда-сюда и будто присматривает, куда бы ему пристроить свое тело на ближайшую ночь.

– Я тебя провожать не буду, – предпринимает последнюю

попытку Мингю, надеясь, что непрощенные гости самоликвидируются с его территории по собственному желанию.

– И не надо. Я у тебя останусь. С утра сразу в школу поеду. – Чонхо валится на кровать (на ту самую, на которой сам Мингю еще поспать не успел), задирает ноги на стену и свешивает голову, смотря на него снизу вверх.

– Пиздец, вот где я просил об этом.

К полуночи за окном начинается дождь; от звука ударяющих по карнизу капель вопреки ожиданиям не получается расслабиться. Мингю обреченно смотрит на Чонхо, развалившегося на небольшой кровати морской звездой, и разворачивается обратно к ноутбуку. Снова и снова мониторит разные сайты, просматривает открытые вакансии, вздыхает с каждой минутой все тяжелее. Дождь перерастает в ливень, который бьет по стеклу осуждающе будто: высунешь лицо – отхлещет по щекам наотмашь. Но Мингю пощечин и так уже достаточно получил, не нужно ему новых.

Чонхо позади что-то мычит во сне и переворачивается на другой бок; Мингю трет переносицу и отводит взгляд от монитора, проклиная про себя сезон дождей. Черт его знает, в чем была причина его глубокой неприязни к этому явлению природы: в перманентно плохом самочувствии из-за резко падающего давления, да настолько, что плинтус пробивало, или же в самом дожде как факте. И этом отвратительно влажном воздухе, которым так тяжело дышится. Год сменял последующий, но Мингю как не любил лето с глубокого дет-

ства, так не любит и сейчас.

Он настолько увлекается созерцанием медленно ползущей секундной стрелки на настенных часах, что не сразу замечает шевеление сбоку. Мысленно уже здоровается с тараканом, который наверняка приполз похрустеть столетними кукурузными хлопьями, уже давно валяющимися в мусорном пакете у входа, но понимает, что движение это совсем другого рода. Он поворачивает голову, и взгляд его упирается точно в зеркало. Мингю смотрит на свое отчего-то размытое отражение, будто зрение резко упало с единицы до минус двух, и не может отделаться от крайне склизкого ощущения, что оттуда на него кто-то смотрит. Не стоило поддаваться на уговоры Чонхо – это зеркало еще при свете дня не внушало Мингю доверия, а в потемках дождливой ночи оно и вовсе выглядит как-то непозволительно крипово.

Он встает со стула, мажет взглядом вскользь по спящему Чонхо и подходит к зеркалу ближе, пытаясь вспомнить, куда забросил ту тяжелую ткань, под которой оно было спрятано в кладовке. Неплохо бы накинуть обратно, потому что все это чересчур. Равно как и пялиться на себя посреди ночи, зачем-то вспоминая сюжет ужасика, который они с Тэёном вместе посмотрели пару лет назад. Мингю чуть внимательнее изучает взглядом резную раму: цветы вырезаны слишком реалистично, и, если бы не легкая потертость на лепестках, он бы принял их за настоящие даже притом, что они вообще-то из дерева и цвета темно-коричневого. Птицы на

ветках сверху смотрят на Мингю пустыми взглядами, но он кожей чувствует укол, и ему совсем не нравится это чувство – странное какое-то и неприятное. Будто осуждают вслед за ливнем за окном, вторят его укорам, тянутся к лицу, чтобы отвесить пощечину.

Мингю отводит взгляд и опускает его в пол, замечает то, чего не видел раньше: два скрещенных круга внизу рамы, заключенных в третий круг, образованных из переплетающихся стеблей. Либо у создателя зеркала была предельно богатая фантазия, либо подобная перенасыщенность деталями стала следствием воспаленного ума. В принципе, Мингю как-то без разницы и думать об этом нет желания – только отыскать ткань и спрятать за ним второго себя в клетке из резных цветов.

Зеркало будто слышит его. По отражению проходит легкая рябь; едва заметная взгляду волна прокатывается по поверхности, искажает лицо Мингю на мгновение, заставляя его отшатнуться и оглянуться назад. Поворачиваться к зеркалу обратно не хочется совсем. Либо у него едет крыша на фоне стресса, либо просто нужно поспать немного. Он в несколько шагов преодолевает расстояние, отделяющее его от кровати, спихивает Чонхо ближе к стене, ложится рядом и крепко зажмуривает глаза. Хочется опять взглянуть на зеркало и убедиться в том, что ему показалось, что в отражении просто комната, что ничего не искажается, все как обычно, но Мингю переворачивается на другой бок, избавляя себя от

соблазна. Только не от напряжения внутри, накатывающего волнами.

Одна минута, вторая. Мингю почти сдаётся и открывает глаза, чтобы все-таки *посмотреть*, как Чонхо рядом громко всхрапывает во сне и что-то бормочет. Момент разрушен, напряжение мгновенно рассеивается, а Мингю тихо смеется, закрывая глаза обратно.

Посмотрит. Но не сегодня точно.

Он готовится к приходу Тэёна основательно: застилает кровать пледом, убирает со стола пустые кружки, успевшие скопиться на нем за два дня, плотно закрывает контейнеры с едой, прячет единственную упаковку печенья на самую верхнюю полку кухонного шкафа. Для верности, конечно, стоило просто в очередной раз сменить место жительства, но Мингю знает, что Тэён найдет его даже в каком-нибудь вигваме в самой глуши Америки (в чем-то они слишком похожи с Чонхо), поэтому мысли о смене адреса шуточные скорее и слегка отдают приятной горчинкой – как-никак все еще есть люди, готовые искать его. И находить. И неважно, в каком виде или состоянии: сломленным ли, пустым ли.

Тэён приходит вечером. В дом они не сразу заходят – сначала стоят на крыльце и курят минут десять. За это время они не произносят ни слова, но чувство такое, что сказано уже все, что можно и что нельзя, а у Тэёна лицо словно проясняется и морщина меж бровей разглаживается. Мингю смотрит на него и понимает: «Волновался». Мингю взгляд переводит на тлеющую в руках сигарету и думает: «Зря». Не потому, что причин на то не было, а потому что... зачем? Зачем переживать, когда все в порядке. Не сейчас, так в будущем будет, пусть и далеко. Мингю не верит в это, но знает, что верят другие: Санхён, Чонхо, Тэён. А если верят они, то этого достаточно. Этого даже много слишком – накрывает с головой, всего заполняет.

– Это твое? – со смешком спрашивает Тэён, поднимая со спинки кресла черную футболку со знаком Бэтмена на груди.

Мингю смотрит без интереса и рассеянно подмечает, что Чонхо настолько проницателен в своем желании остаться частью его жизни, что специально оставляет свои вещи, дабы был повод зайти. И ведь скажет потом, что случайно.

– Успел себе завести кого-то? – продолжает Тэён и подбрасывает футболку в воздух.

– Если ты говоришь о надоедливом грызуне примерно вот такого роста, – Мингю прочерчивает рукой линию в воздухе рядом со своим плечом, – то да.

– Чонхо уже заходил, что ли? Давно его не видел.

– Заходил и даже успел отнять у меня кровать.

– Ли Мингю уже двадцать пять стукнуло, а в его кровати только дети спят, – тянет Тэён неуместно разочарованно и садится в кресло прямо на чужую футболку.

Мингю, может, даже прокомментировал бы эту фразу в своем стиле, от души так и с ответной подбодочкой, да не особо хочется распыляться и реагировать на чужие провокации, которых Тэён за собой часто не замечает даже – для него это в порядке вещей.

– А это что?

Он оборачивается на голос и видит Тэёна, стоящего перед зеркалом, на которое после ухода Чонхо он накинул ткань обратно. Первой мыслью было унести зеркало назад в кладовку, но Мингю хватило ровно на пять секунд, после чего он прислонил это орудие убийства обратно к стене – не хватало еще уронить его или ногу себе отдавить. Хватило с него и одного раза таскания через весь дом этой несносной штуки.

– О, зеркало, – присвистывает Тэён, сдергивая полотно. – Уже здесь стояло?

– Чонхо увидел в кладовке и уговорил меня притащить его в комнату, – терпеливо объясняет Мингю, борясь внутри себя с желанием отпихнуть Тэёна и спрятать зеркало обратно под ткань.

– Пиздец оно стремное, если честно.

Мингю аж выдыхает шумно от облегчения – хоть кто-то разделяет его мнение касательно этого зеркала, что, навер-

ное, немного странно, потому что Тэён по жизни любит всякие необычные вещи.

– И не говори.

– Хочешь, помогу тебе его обратно в кладовку отнести? – оборачивается Тэён, шурша тяжелой тканью в своих руках.

– Не, – отмахивается Мингю, – закрытым оно меня не раздражает. А если унесу, Чонхо расстроится.

– Какой ты мягкотелый стал. А мне так на уступки не идешь, – почти обижается Тэён, но в шутку скорее, потому что через секунду на его лице появляется озорная улыбка; он начинает складывать ткань. – Вот и пялся на себя тогда.

На кончиках пальцев нестерпимо жжется потребность – не желание – вырвать из чужих рук полотно и скрыть за ним зеркало обратно, а затем надавать Тэёну по шее за произвол, но вместо этого Мингю садится в компьютерное кресло и прокручивается в нем пару раз. Бросает быстрый взгляд на свое отражение сбоку, взвешивает все за и против. Решает пойти другим путем.

– Как бы ты отреагировал, если бы я сказал, что это зеркало не просто стремное, а *стремное*? – усердно акцентирует он интонацию на последнем слове, изучает лицо напротив на предмет малейшей смены эмоций. С Тэёном никогда не срабатывает простое «не хочу» или «не могу», ему всегда нужны причины – желательно интересные такие, пестрые, чтобы можно было повертеть в руках и пощупать, цветом полюбоваться.

– То есть?

– Я все еще думаю, что мне показалось тогда, но... – Мингю прерывается на мгновение, хочет опять на отражение свое посмотреть, но сдерживается, – с ним как будто что-то не так. Вот тебе не кажется, что на тебя оттуда смотрит кто-то?

Тэён выгибает бровь скептически, бросает сложенную ткань куда-то в сторону, смотрит на зеркало опять, взглядом ошупывает медленно сверху вниз.

– Я вижу только свое охуевшее от жизни лицо.

– Ладно, забудь, – быстро сдается Мингю.

В ответ только плечами пожимают, но он все равно подмечает то, что взгляд Тэёна меняется – в него закрадываются подозрения и легкая настороженность. Просто он слишком хорошо Мингю знает. Просто он в курсе, что Мингю таким не шутит – это его прерогатива.

Тэён уходит через пару часов. Оставляет после себя недодедленную пачку чипсов, принесенную с собой, смятый плед на кровати и пачку сигарет на скамейке у крыльца, ее Мингю спасает от дождя, унося в дом. Кладет на стол рядом с ноутбуком, долго всматривается в предупреждения о вреде курения, которые занимают больше половины упаковки, и думает о том, что неплохо бы такое писать и поверх всего, что оставляют после себя люди. Мол, не трогайте, может навредить вашему психическому здоровью. А может, и физическому, потому что заснуть этой ночью не получается никак.

Мингю долго ворочается, сбивает плед в ногах, то кла-

дет подушку под голову, то кидает ее на пол. За окном льет дождь; где-то вдалеке начинает завывать сирена скорой помощи, но звук этот быстро теряется в шуме дождя, который усиливается и словно стремится поглотить все постороннее, полностью завладеть окружающим миром и помешать ему существовать дальше в привычном ритме.

Мингю подрывается с кровати и включает свет. Поднимает с пола подушку, поправляет плед, наворачивает пару кругов по комнате. Уходит на кухню, сидит там с полчаса, нехотя попивая имбирный чай, принесенный Чонхо еще в первый день, потому что ничего другого больше нет. Возвращаться в комнату не хочется. Мингю мысленно делает пометку рядом с «все-таки попросить Тэёна помочь перетащить зеркало обратно в кладовку», потому что надоело уже чувствовать себя неуютно в месте, где предстоит жить ближайшие полгода точно. Он ценит комфорт, ценит спокойную атмосферу – особенно если касается это пространства, в котором он находится большую часть времени.

А это просто пиздец какой-то. Еще и дождь этот проклятый.

Может, дело и не в зеркале вовсе. Может, Мингю просто нужно нечто, на что можно списать эту вязкую тревогу, которая топит его изо дня в день. Может, ему просто необходима причина всех его проблем – и чтобы она была с именем и формой.

И она, кажется, действительно в зеркале. Но не в нем са-

мом, а в отражении.

Мингю возвращается в комнату и подхватывает с пола ткань. Отрицание – слишком классная штука, и он пока не готов от него отказываться. Он встретится со своей проблемой, честно, но чуть позже. Когда-нибудь обязательно. Но не сегодня – сегодня не надо, сегодня поспать бы спокойно.

Секундная стрелка настенных часов тихо жужжит надоедливой мухой, переваливает за двенадцать; минутная вздыхает устало и движется следом за ней. А Мингю двигаться перестает совсем, выпускает ослабевшими пальцами потрепанную ткань, не успевает даже руки поднять, чтобы зеркало ею закрыть. Ничего не успевает, потому что по отражению в зеркале волной проходит уже знакомая рябь, которая исчезает в нижнем правом углу, забирая с собой отражение лица и мира позади.

Мингю больше не видит себя. Комнаты своей не видит тоже. Зато видит другую – незнакомую совсем, со стенами бледно-голубыми и ковром пушистым на полу. В другой комнате шторы на окне раздвинуты, а само оно открыто нараспашку. Мингю сглатывает тяжело, не слышит больше секундной стрелки часов за гулом в ушах и смотрит на...

Кого-то.

Это кто-то стоит к нему спиной, держится за ручку раскрытого окна и чертит указательным пальцем свободной руки что-то на чуть запотевшем стекле. Мингю смотрит на чужую фигуру, упирается взглядом в плечи, затылок, волосы

темные. И чувство такое гадкое и склизкое до жути, что он этого человека знает. Что знакомы они уже сто лет, если не больше. Что в школу одну ходили, может.

Чужой палец застывает на стекле, перестает чертить слова, которых он не видит; плечи вздрагивают. На Мингю оборачиваются резко, стремительно, застают этим врасплох, хватают за сердце обеими руками, и то издает особенно громкий и надсадный удар. Потому что нет.

Быть этого не может.

Мингю путается в ткани на полу, теряет равновесие и падает назад, больно ударяясь копчиком. А когда поднимает взгляд обратно к зеркалу, то видит там только свое перекошенное лицо и комнату позади – уже знакомую.

Минутная стрелка вздыхает во второй раз и тихо щелкает. Он дергается и смотрит на часы, которые показывают час четырнадцать ночи.

Мингю будит Тэёна в половину второго и, ничего не объясняя, просит приехать на следующий день.

– Ну и что стряслось? – с порога спрашивает Тэён, бросая портфель у входа прямо на обувь Мингю. – Ты же знаешь,

что у меня сегодня самый паршивый рабочий день на неделе и сейчас мне хочется только банального человеческого поспать.

– Проходи давай, – пихает его Мингю, и тот едва успевает обувь снять.

У него уходит слишком много времени на то, чтобы объяснить Тэёну, что произошло, – и не потому, что рассказ сам по себе длинный и перенасыщенный деталями, а потому, что Мингю тянет слишком длинные паузы между предложениями и хмурится до того остро, что под конец Тэён не выдерживает:

– Успокойся.

– Я спокоен. Просто мне нужно убедиться в том, что у меня не сдвинулся чердак.

– И поэтому меня позвал?

– Кто-то еще должен это увидеть.

Тэён вертит в руках кружку, на дне которой болтаются остатки имбирного чая, и начинает хмуриться сам. Ломает брови свои до острых углов и молчит задумчиво.

– Я тебе верю, – говорит уверенно спустя минуту и допивает чай одним глотком.

– Ты над этим так долго думал?

– Нет, – Тэён подпирает лицо рукой; его взгляд начинает блуждать по кухне, – над тем, где я спать буду, потому что я не Чонхо и в кровати вместе с тобой не помещусь.

– Боже, – начинает хрипло смеяться Мингю. Даже легче

как-то становится.

Через час Тэён уходит в кофейню по соседству и возвращается с двумя огромными стаканами американо, которые они пьют целую вечность. Тэён безбожно клюет носом даже после изрядной дозы кофеина, а в одиннадцать все-таки вырубается полусидя на кровати Мингю, который чуть не пинает с досады его свешенные ноги. Удерживается, конечно, – знает, что тот устал. Знает, поэтому осторожно забирает из его рук пустой стакан из-под кофе и поднимает его ноги, укладывая их на кровать. Тэён мгновенно разворачивается лицом к стене и просовывает между щекой и подушкой сложенные ладони.

Мингю садится в компьютерное кресло и крутится в нем, пока не начинает кружиться голова. В ушах гудит, тело гудит, весь мир гудит, и так нестерпимо хочется послать все к черту, что Мингю замирает невольно вместе с креслом и вглядывается в потолок, за мысль эту хватаясь обеими руками. Сминает пальцами, пытается слепить нечто новое, но быстро сдается. Глядит на спящего Тэёна, включенный компьютер с открытой вкладкой вакансий. Закрывает глаза.

И открывает их в следующий раз черт знает спустя сколько времени. За окном опять шумит проклятый дождь, Тэён развалился на кровати подобно Чонхо и свесил вниз одну ногу, а Мингю таращится на настенные часы, которые показывают начало второго ночи. Воздух в комнате электризуется, будто гроза бушует не снаружи, а прямо в этой комнате,

и Мингю шумно вздыхает, пригнувшись. Сезон дождей не хочет отпускать столицу, пронзая водяными каплями-стрелами каждый клочок города.

И клочок чьего-то сердца – все, что от него осталось.

Мингю подходит к окну и проверяет, закрыто ли оно. Задергивает шторы плотнее, хлопает по ним руками, словно это как-то может помочь выстроить более прочную стену между ним и шумом беснующего ливня.

И застывает, слыша характерный щелчок минутной стрелки часов.

Он оборачивается, глядит на настенные часы, показывающие час тринадцать ночи, и медлит. Не хочет переводить взгляд на зеркало. Не хочет отвечать на взгляд *оттуда*. А он зовет. Тычется Мингю в висок куда-то, по щеке стекает, капает с подбородка на грудь, пропитывает собой футболку. Но Мингю игнорирует, сжимает челюсти до хруста, гипнотизирует секундную стрелку часов.

Порыв ветра бьет в окно с такой силой, что дребезжит стекло, и он вздрагивает, теряет свою картонную сосредоточенность и спускает тормоза случайно. Смотрит.

И видит себя. Мингю глядит в зеркало и видит себя, но *не себя*. У его не-отражения черные волосы, легкая кофта из мягкой ткани, хлопковые брюки. У его не-отражения до жути перепуганный взгляд – наверное, еще больше, чем у самого Мингю. Он разворачивается к зеркалу целиком, делает пару шагов вперед, боясь моргать. Ему снится это? Или он

сходит с ума? Крышей тронулся, да?

Другой Мингю отшатывается, запинаясь обо что-то, поднимает ногу и с болью на лице хватается за ступню. Но взгляда не отводит.

Что? В смысле? Это шутка такая?

– Тэён, – осипшим голосом зовет Мингю, и со стороны кровати слышится сонное мычание. – Тэ... – Он замолкает, потому что другой он в зеркале подходит вплотную.

Ему будто петлю на шею набрасывает. Тянет вперед. Шаг за шагом, метр за метром. Мингю не может сопротивляться – просто идет вперед, медленно, настолько медленно, что каждый свой шаг всем нутром успевает прочувствовать. И шаги эти цепями звенят на руках, ключ от которых дождь за окном проглотил.

Он встает точно перед зеркалом. Таращится на свое отражение, открывает рот, чтобы снова Тэёна позвать, но не может. Плотно сжимает губы, наклоняет голову вбок, смотрит другому себе за спину и видит ту самую комнату с бледно-голубыми стенами, что явилась ему вчера. И ведь не только комната. Не только она.

Они разглядывают друг друга до того внимательно, что рябит в глазах. Мингю цепляется взглядом за каждую деталь и чувствует, что с ним проделывают то же самое. Он бы, наверное, поразмыслил над тем, какого черта происходит и насколько сильно он успел тронуться умом за последние несколько дней, но сейчас в голове была лишь одна-един-

ственная мысль: «Какого черта?»

Судя по всему, другой он в зеркале думает о том же самом, потому что Мингю видит в его глазах такое замешательство, что оно того и гляди отдельной жизнью жить начнет.

Его присутствие Мингю чувствовал все это время? Его взгляды ощущал через зеркало с самой первой ночи? *Они смотрели друг на друга?*

Другой он немного отстраняется и прижимается одной ладонью к зеркалу с обратной стороны. Цепь звенит, тянет руку Мингю вверх, заставляет сделать то же самое. Он скрипит пальцами по зеркалу, не спешит прижимать всю ладонь целиком, медлит как может. Беспокойством внутри чувствует, что так делать нельзя. Что после этого полетит все вверх тормашками и потонет где-то в разозленном небе, из которого на город дождь льет, пронзая водяными стрелами ночь.

Медлит как может.

Но все-таки делает это.

Они оба секунду всего успевают прожить до того момента, как по зеркалу опять проходит уже знакомая рябь, волна за волной, а мир вдруг закручивается в бешеный водоворот и съезживается до размеров точки.

А затем все исчезает.

Первое, что Мингю чувствует, – влажные касания чего-то шершавого к своему лицу. Он хмурится, не открывая глаз, и не спешит заполнять свой мир красками обратно, но когда до него доходит, он подрывается с места, отлетая к стене. Смотрит на пушистого корги у своих ног, который тяжело дышит, высунув язык, будто бежал сюда через весь город, и откровенно охуевает от одного только вида этой собаки, потому что ты откуда вообще взялась? Ты чья, псина?

Мингю сжимает ладони в кулаки, сгребая пальцами ворсинки пушистого ковра, и снова замирает. У него нет ковра на полу. Он моргает, отводит взгляд от приторно – радостно-го корги и смотрит по сторонам. Бледно-голубые стены. Легкие полупрозрачные шторы на окне. Постель с белым пледом с рисунками мультяшных сов. Несколько рамок с фотографиями над кроватью.

Мингю смотрит. Не двигается. Корги подступает ближе и лижет его руку. Мингю все еще не двигается.

Какого. Блядь. Хуя.

Он поворачивает голову и таращится на свое – *свое* – отражение в зеркале. Том самом. Точно таком же, что стояло в его комнате. Том самом, которое настолько понравилось

Чонхо, что он уговорил вытащить его из кладовки. Та же рама с цветами с потертыми лепестками, те же птицы с пустыми взглядами. Те же скрещенные круги в обрамлении переплетенных стеблей в самом низу.

Мингю заваливается набок, встает на колени, подползает ближе. Дотрагивается одной рукой до поверхности зеркала, второй. Шарит ладонями по своему отражению, будто безумный, пытается отыскать нечто невидимое и сам не знает, что именно. Горло душит паника, затягивается колючей бязевой веревкой, давит на шею и убивает дыхание. Мингю задыхается. Соскальзывает руками вниз, упирается ими в ковер и понимает, что его сейчас вывернет.

Он не мог оказаться по ту сторону зеркала. Не мог.

Корги позади скулит жалобно – не то внимания требует, не то чувствует, как человек перед ним ломается с хрустом. В который раз за эту жизнь.

За пределами комнаты громко хлопает дверь, и что-то тяжелое падает на пол.

– Я вернулся! – слышит Мингю и прижимает руку ко рту, пытаясь подавить новую порцию спазмов. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Все нормально.

Корги громко тьякает и срывается с места, яростно виляя хвостом. Исчезает за углом. Он провожает собаку взглядом и переводит его обратно на ковер, прикидывая, как потрясюще на белом ворсе будет смотреться его полупереваренный поздний ужин.

– Мингю? Ты дома? – слышит он все тот же голос. Его и имя свое. Осознание подворачивает левую руку, и он падает плашмя на пол, больно ударяясь лбом.

Нужно что-то сделать. Определенно, нужно сделать что-то. Первым вариантом на ум приходит откусить себе язык и сдохнуть, некрасиво захлебнувшись в собственной крови, вторым – остаться лежать на полу, прикидываясь предметом интерьера, третьим – найти туалет и все-таки проблежаться, а четвертым – дать себе по лицу, приводя в чувство, встать и встретиться со своей проблемой лицом к лицу. Так, как никогда этого не делал.

Потом, потом, все потом, когда-нибудь обязательно, но не сегодня. Так вчера было. Так неделю назад было. Всю жизнь так было. Вся жизнь – это «потом». «Потом» – это смысл существования, воздух, которым он дышит. Ненавистный дождь, что идет за окном в летние ночи. А от него самого лишь клочок остался, маленький сухой островок, не съеденный дождем. Дать захлебнуться и ему?

Нет.

Мингю с усилием поднимается с пола, покачивается немного, опирается рукой на стену. Вдыхает глубоко через нос, выдыхает через рот. Выпрямляется и идет к приоткрытой двери за углом. Он выглядывает наружу, мешкается пару секунд и выходит, оказываясь в большой гостиной, которая по совместительству, кажется, была еще и кухней. Интерьер помещения – в американском стиле, но Мингю сложно су-

дить – он никогда не бывал в квартирах подобного типа.

У холодильника спиной к нему стоит незнакомый парень, который выкладывает на полки содержимое пакета в своих руках. Мингю мельком глядит на увесистый рюкзак с краю стола в центре кухонного уголка и переводит взгляд обратно на чужую спину, обтянутую черной рубашкой. Парень хлопывает холодильник и зачем-то наклоняется.

– Ути мой хороший, – слышит Мингю, едва не начиная давиться смехом от абсурдности происходящего, – ты кушать хочешь? Или на улицу? Иди сюда. – Незнакомец выпрямляется, держа на руках уже небезызвестного корги, который на вид вообще-то выглядел довольно увесистым. Тискает радостную собаку, а потом оборачивается с раскрытым ртом, будто хотел что-то сказать, но забыл все слова, увидев Мингю. А сам Мингю слова тоже забыл, да и весь родной корейский в придачу, потому что лицо, в которое он смотрит прямо сейчас, кажется ему непозволительно знакомым. – Это что? – будто издалека слышит он и вздрагивает.

– Что? – произвольно отвечает он вопросом на вопрос, давя в себе желание оглянуться – вдруг не к нему обращаются.

Знакомый незнакомец опускает корги на пол и упирается руками в стол перед собой. Склоняет голову к плечу, хмурится усердно.

– Волосы, – отвечают Мингю.

– А что с ними?

– Когда ты успел? День тебя не видел, а ты уже пепельный. Говорил же всегда, что никогда волосы не покрасишь. Ты поэтому сутки из комнаты своей не вылезал?

– Мм, – мычит Мингю в ответ, душой не ведая, что тут вообще можно ответить. Вспоминает не к месту, что у другого него – того самого, которого он видел в отражении зеркала, – были темные волосы.

– А это что? – Человек напротив резко меняется в голосе и огибает стол, после преодолевая разделяющее их расстояние в три шага. – Это *что*? – Он тянет к лицу Мингю руку, но тот на автомате отступает назад, шлепая по протянутой руке ладонью. Лицо незнакомого парня искажает гримаса непонимания. – В чем дело?

– Не трогай меня, – вырывается у Мингю непроизвольно. Между ними повисает напряжение, осязаемое такое, объемное словно, захочешь – потрогать сможешь и отпечатки свои оставить. Незнакомец опускает руку; его лицо успевает поменяться раз пять за следующие десять секунд. Мингю внимательно наблюдает за каждой этой сменой. Вглядывается в лицо напротив чуть ли не до слез в уголках глаз. Смотрит на черные волосы, на приоткрытый лоб, на нос смотрит, аккуратный рот. И на маленькую родинку на левой скуле.

Смотрит еще раз в той же очередности. Еще и еще. Каждый раз останавливается на родинке и теряет себя снова и снова. Себя, то, что внутри, очертания окружающего мира – тоже, потому что нет, это бред полнейший.

(Не)знакомец отворачивает лицо, и Мингю видит, как он хмурится. Наблюдает за тем, как тот отходит обратно к столу, тянет руки к рюкзаку и расстегивает его.

– Серьги, – говорит он. – Я, конечно, лупоглазый, но не настолько, чтобы не заметить, что ты уши проколот. – Мингю смотрят прямо в глаза и жрут этим взглядом все то живое, что в нем есть. – В чем дело? Ты странно себя ведешь.

Резкая смена темы разговора застает Мингю врасплох. Он нервно облизывает губы, опускает взгляд на корги, наворачивающего круги вокруг его ног, и не может найти ответ. А каким он в принципе может быть? Да, прости, я странно себя веду, потому что я – не я, а хуй знает кто?

Но... кто? Кто он – Мингю? И кем был тот, другой, которого он видел в зеркале? Где он сейчас? И где сам Мингю?

– Не собираешься отвечать? – тычут в него укором, с некоторым раздражением выкладывая на стол тетради из расстегнутого рюкзака.

– Я просто устал, – находится Мингю. Сам находится, а вот ответ на то, кто перед ним, – нет. И не надо, честно говоря. Вон он, блестит себе красиво и ярко до выжженного на сетчатке, но не надо. Мингю не хочет знать. Не хочет получать подтверждений.

– Ты на занятия сегодня не ходил, что ли? – Последняя тетрадь оказывается поверх стопки.

– Нет, – честно отвечает он.

– Ты же... – парень перед ним теряется окончательно, –

ты же никогда не пропускал. Мингю, в чем дело?

Он молчит. Собирает волю в кулак, подходит ближе. Садится на стул, прячет руки под стол и сцепляет их в замок. Возможно, стоит хотя бы попытаться вести себя нормально, но он понятия не имеет, что в этом случае может быть нормальным. И, если быть до конца откровенным, Мингю плевать с Сеульской башни на то, что может подумать этот левый (или не совсем?) парень, потому что какая, блядь, разница? Ему бы разобраться в том, что происходит. В том, где он сейчас находится. Почему очнулся в комнате, которую видел в зеркале.

И как вернуться обратно.

Он выдыхает шумно через нос и бросает взгляд на чужие тетради. Смотрит на имя, написанное в самом углу. И видит там аккуратное «Пак Чонхо».

Пак Чонхо.

Перед ним – Чонхо.

Которому он был нянькой целый год подряд когда-то давно. Которому мороженое покупал и в «Лотте Ворлд» водил на последние деньги. Которому двенадцать, но сейчас как будто на десять лет больше. Перед ним Чонхо, что выше его на полголовы, а на самом деле он должен быть ниже на голову.

Перед ним взрослый Пак Чонхо. А Мингю смотрит на него и думает, что вот этого он точно не хотел знать никогда в этой жизни.

Того, что знакомые дети спустя десять лет могут быть настолько красивыми.

Ситуация складывается довольно щекотливая. То есть щечокет нервишки она скорее Чонхо, а Мингю просто сидит и выжигает взглядом знакомое имя в углу тетради, совершенно не зная, что делать дальше и как вообще себя вести теперь. Но если Чонхо просто плавает в непонятках, которые вполне себе можно пережить и найти им объяснение, то вот Мингю не плавает, его утянуло камнем на самое дно, и он сидит там на днище этом и пузыри пускает, забыв совершенно, что кислорода осталось максимум на минуту.

– Пак Чонхо, – зачем-то читает вслух, хотя в голове своей произнес уже раз двадцать кряду.

– Что? – И в вопросе этом совсем нет желания поинтересоваться, а, собственно, зачем зовут и чего хотят, в нем скорее чуть ошалелое «я прошу прощения, но какого хрена».

– Что? – на автомате реагирует Мингю вопросом на вопрос.

– Нечасто я слышу, как ты зовешь меня по имени. – Чонхо хмурится так сильно, что того и гляди брови вниз уедут.

– Предпочитаешь все привычное и обыденное? – находит-ся Мингю, всеми возможными силами увиливая от прямого вопроса. Прямые вопросы – то, чего он должен избегать. Это то, что может выдать его с головой быстрее, чем неоднозначное поведение и резко изменившийся внешний вид.

– Может, мне просто нравится, когда меня хёном зовут, – хмыкает Чонхо неодобрительно и сбрасывает рюкзак со стола на пол.

Все, Мингю думает, пиздец, приехали. И откровенного изумления в нем настолько много, что он даже перестает сверлить взглядом тетради на столе и смотрит прямо на Чонхо. Хёном, значит. *Хёном*. И так сразу много слов и фраз во рту набирается (начиная от «да какой из тебя хён» и заканчивая «я скорее поверю в то, что Тэён перестал складывать фантики от конфет за кроватью»), но язык отказывается ворочаться, намертво прилипнув к небу. Сказать хоть что-нибудь все равно очень хочется, сказать что-нибудь *надо*, но Мингю молчит только и никак не может никуда в своей голове приткнуть мысль о том, что этот Чонхо его старше.

Самым верным поступком сейчас видится скоропостижное самоликвидирование своего тела с территории, где стремительно начинает повышаться градус, что Мингю и делает, бросив быстрое «я буду у себя».

Он честно старается идти в комнату спокойным, уверенным шагом, но у самого порога срывается и хлопает дверью не к месту громко, потому что контролировать себя выходит не очень сейчас – руки и те дрожат, как с похмелья после недельного запоя. Он стоит, прислонившись спиной к двери, считает до десяти, двадцати, ста. Сердце бьется медленно, но неровно, каждый третий удар выбивается из ритма, дробит некогда слаженное сердцебиение на соты и стреляет куда-то

в горло.

На ста сорока двух Мингю выпрямляется и выходит на середину комнаты. Прислушивается настороженно, боится, что Чонхо все-таки решит последовать за ним, чтобы выбить признание. Но чего именно? Того, что и почему с ним (с ним разве?) творится, или же?..

Чонхо следом не идет. Мингю слышит его шаги за дверью, слышит хлопок дверцей холодильника и шум чайника, таяканье собаки и чужой приглушенный голос. Он расслабляется немного – самую малость, – позволяет себе обернуться вокруг своей оси, чтобы получше рассмотреть помещение. Взгляд сразу же упирается в зеркало, стоящее в самом углу комнаты, если честно, чем-то напоминающей комнату самого Мингю, но не интерьером, а тем, как стоит мебель: кровать головой к окну, рабочий стол у противоположной стены, сбоку – шкаф. И зеркало. Проклятое зеркало.

Он делает к нему решительный шаг, но сразу же останавливается. Сомневается в чем-то и не знает, в чем именно, – просто под сердцем тревога вдруг нефтью начинает разливаться. Оставляет масляные следы на легких, и вдохнуть – уже никак. Мингю отворачивается. Хочет найти что-нибудь тяжелое, чтобы разбить свое отражение на мелкие осколки. Смеется беззвучно этой мысли, пополам почти сгибается, когда осознает, какой дурак. Он о многих своих импульсивных поступках жалеет, но знает отчего-то, что предела своего так и не достиг. Может, попробовать? Мингю оборачива-

ется и снова смотрит на свое отражение. Попробует, но не прямо сейчас, пожалуй. Сейчас пока...

Он запрыгивает на кровать и смотрит на рамки с фотографиями. Кто же ты такой, Ли-не-Мингю? Фото на стене мало совсем, всего пять штук, и он вглядывается в каждое из них так, будто где-то там, на заднем плане позади людей, спрятаны ответы на самые насущные для него вопросы в данный конкретный момент.

Ответов Мингю не находит, разумеется, зато находит совместную фотографию не-себя и Чонхо – она первой бросается в глаза. На ней у Чонхо карамельного цвета волосы, у Мингю – черные, что не удивительно, если вспомнить слова первого о том, что тот волосы красить якобы не собирался никогда. Они стоят на маленькой пристани на фоне искусственного дерева, чьи железные ветви забавно закручиваются в сердечки, а позади них виднеется море. Мингю узнает это место – побережье в городе Сокчхо. Они были там вместе с Тэёном около двух лет назад, когда обоим вдруг припичило провести свои выходные «культурно» и взобраться на вершину самой высокой скалы в парке Сораксан⁵. На скалу не взобрались, конечно же, но зато у Мингю остались до непозволительного смешные фотки Тэёна, который пытался столкнуть «Качающийся камень».

Получается, этот Мингю тоже два года назад ездил в Сораксан? Но не с Тэёном, а с Чонхо?

⁵ Сораксан – крупнейший национальный парк Кореи на северо-востоке страны.

На второй фотографии он снова видит своего двойника и взрослого Чонхо, но фото явно сделано совсем недавно, потому что прическа Чонхо схожа с той, что Мингю видел у него сейчас. Он вглядывается в знакомые, но все равно бесконечное чужие ему лица и снова узнает место с фотографии – мост Шелкопряда в Сеуле, одно из самых любимых его мест в городе, потому что в парке рядом много тихих и уединенных мест, где можно спрятаться от чужих глаз и просто спокойно вздохнуть.

С месяц назад он ездил туда один, за день до того, как съехать со старой квартиры. Кажется, пытался голову в порядок привести, но в итоге только больше погряз в трясине, потому что место то хоть и любимое, но слишком сквозит прошлой жизнью – такой, какая она раньше была. Там мечтами пахнет и свободой. А еще с моста Шелкопряда видно Сеульскую башню – и она такая же маленькая, каким чувствует себя Мингю каждый раз, когда стоит на этом мосту и смотрит сквозь прутья вдаль.

На третьей фотографии не-Мингю один – позирует на фоне центрального въезда в Сеульский университет, делая сердечко руками.

– Какой же ты... приторный, – едва не закатывает глаза он. – В Сеульском учишься, значит. Надо отдать должное.

Четвертое фото глядит на Мингю лицом Чонхо, и оно явно сделано им самим на телефон. Тот факт, что другой он зачем-то вешает такие фотографии над кроватью, вгоняет в

некоторый ступор. Сам он вряд ли бы повесил Тэёна с тупой рожей рядом с тем местом, где отходит ко сну. Вдруг кошмары сняться будут.

О пятую фотографию Мингю спотыкается взглядом и, кажется, ломается. Смотреть дальше уже и не выходит как-то, поэтому он глядит вбок куда-то, на занавески полупрозрачные, что от легкого сквозняка из приоткрытого окна шевелятся. Мингю эту фотографию знает – у него такая же есть. Там, в другом Сеуле, среди вещей, которые он так и не разобрал до конца, потому что разобрать просто не может. Именно в той части, том конверте, в который он не заглядывает никогда, потому что там вся жизнь обрывками: полароидные фото, автобусные билеты, чеки из кофеен, детские стикеры, листья засушенные. Там вся жизнь пазлами, но из них прошлое уже едва ли можно сложить, как мозаику с давно истертой картинкой. Прошлое таким и останется – обрывочным. Всегда будет порванными лоскутками. А Мингю и не хочет пытаться сшить их обратно, потому что – зачем.

Потому что сшивать нечего. У него только конверт с фрагментами, которые никогда не заполнят образовавшуюся пустоту.

На фотографии ему три года: он стоит на пороге дома, в котором жил до пяти лет. А по бокам от него родители сидят – молодые, красивые. Живые. Счастливые. Мингю счастлив тоже: по-детски наивно, по-детски открыто. Счастлив просто потому что.

Он проводит руками по стене – будто зацепиться за что-то хочет, чтобы не упасть. Будто где-то здесь, под обоями, спрятан рычаг, за который дернешь – и вернешь все так, как было. Ухватиться не за что, рычага предсказуемо нет, но Мингю больно царапает ладонь о торчащую шляпку гвоздя. Смотрит на нее секунд пять и понимает, что когда-то здесь висела шестая рамка, которую сняли. Он оглядывается на комнату, пробегается взглядом по чужим вещам, переключается весь на любопытство, так кстати зашевелившееся внутри. Ему бы на что угодно переключиться, лишь бы не вспоминать ничего. Ему бы *что угодно, лишь бы не.*

Мингю спрыгивает с кровати, зачем-то расправляет чужой плед, на автомате складывает кофту, валяющуюся на полу рядом, и кладет на стул. Проходит пару кругов по комнате, останавливается у рабочего стола с горами мятых тетрадей. Вытаскивает одну из ближайшей стопки и пролистывает, взглядом выхватывая будто нарочно кривые цветочки, нарисованные на полях то тут, то там.

Аж зубы сводит, думает Мингю, зачем так делать. Он со вздохом захлопывает тетрадь и кидает ее обратно на стол. Думает зачем-то, что ему нужно как-то называть другого себя, потому что «другой я» даже в голове звучит глупо. Мингю не придумывает ничего лучше, чем использовать сокращение от собственного имени – Мин.

Нижний ящик рабочего стола чуть выдвинут – так и манит открыть его до конца, что Мингю и делает, присев на кор-

точки. Внутри ворохом лежат изрисованные листы бумаги формата А4; он достает несколько из них и садится на ковер. Разглядывает первый рисунок: горы, рассвет (закат?), чей-то силуэт со спины. На втором пейзаж сменяется широкой улицей мегаполиса, но фигура человека, изображенного посреди бурлящего жизнью города, не меняется, хоть и становится чуть ближе. Мингю машинально трет пальцем серый карандаш, за которым белая бумага скрыта почти целиком, и думает нехотя, что другой он – *Мин* – оказывается, талантом не обделен, в отличие от него.

Он достает рисунок за рисунком. Все они разные, на каждом из них поймана чья-то жизнь беспорядочными фрагментами, но везде, на каждом листе, Мингю видит один и тот же силуэт. От этой детали, что красной нитью тянется от картины к картине, становится тревожно и как-то *не так*, будто он увидел то, что увидеть не должен был.

Под ворохом чуть помятых и таких непохоже-похожих рисунков он находит еще несколько. И на них неизвестный силуэт обретает лицо. И будь Мингю даже окончательно и полностью не в себе, лицо это точно бы не перепутал ни с чьим другим.

На рисунках изображен Тэён. Тэён, который на альбомных страницах выглядит безбожно красивым. И дело вовсе не в том, что он и в жизни был таким, – дело в том, что его таким видел тот, кто рисовал.

Мингю не помнит, сколько сидит вот так на полу и та-

рашится на нарисованного Тэёна. Разгадка висит в воздухе прямо перед ним, но он упорно не хочет на нее смотреть и тем более принимать за действительность. Потому что взрослый Чонхо-хён – это одно, а вот *это вот* – совершенно другое.

Он вынимает последний рисунок из ящика и замечает на самом дне нечто квадратное. Почти сразу понимает, что это рамка с фотографией. Перевернутая лицом вниз. Мингю медлит как может, но понимает, что это бессмысленно, потому что все равно посмотрит на фото – хоть уже и догадывается, кто на нем изображен. Понимает, что бессмысленно, но все равно медлит, ибо висящая перед носом разгадка мгновенно огреет пощечиной по лицу, стоит ему перевернуть рамку лицом вверх.

Оплеуха получается звонкой, от нее обе щеки саднит и губу немного. Мингю слизывает кровь, которой нет, и глядит на фотографию Мина и Тэёна. Они улыбаются оба, они оба счастливые какие-то до одури, сидят рядом и за руки держатся, а у Мингю от непрошенного осознания весь воздух из легких выбивает.

От осознания того, что могло произойти. И где сейчас этот Мин, если Мингю здесь. С кем он.

Мингю подпрыгивает с пола и так стремительно бросается в сторону зеркала, что забывает даже рисунки на место вернуть – те разлетаются в разные стороны, соскочив с коленей, рассыпаются фрагментами чужих чувств, ложатся ярким се-

рым поверх белого и глядят нарисованным взглядом до того в душу, что эту душу чужим надрывом засоряет к чертям.

— Блядь, — сипит он, — твою мать, — не может остановиться никак, шаря руками по раме зеркала. Как вернуть все на свои места? Как вернуться обратно? Ему здесь не место. Это не его мир, не его дом, и люди не его. Он чужой и потерянный — опять. И ему необходимо все исправить, пока оно не зашло слишком далеко.

Как исправить? Как?!

В дверь кто-то скребется, и Мингю замирает, прислушиваясь к жалобному скулежу корги. Дерево надтреснуто скрипит под его руками, но он пальцы не разжимает, а только стискивает ладони сильнее. Прижимается лбом к поверхности зеркала и выдыхает шумно, оставляя свое дыхание на отражении.

— Ну хватит, — слышит он голос Чонхо, у которого будто нарочито ворчливый тон; корги тявкает обиженно в ответ, но скрестись не перестает. — Хорошо, иди, иди. — Скрипит дверь, и проходит всего две секунды, прежде чем в ноги Мингю врезается мохнатое нечто.

Он выпрямляется, чтобы выпроводить собаку обратно в гостиную, но, развернувшись, проглатывает недовольное «чего тебе надо, псина», потому что видит Чонхо, который стоит посреди комнаты и разглядывает рисунки на полу настолько многозначительным взглядом, что у Мингю попросту отсыхает язык.

Чонхо молчит. Смотрит на нарисованного Тэёна, по полу пазлами разбросанного, и молчит. Мингю молчит тоже. Проходит слишком много времени, прежде чем он слышит:

– Идиот. – Чонхо отворачивается от рисунков, смотрит на него в упор, и во взгляде этом столько граней злости, что Мингю об эти грани самую малость режется. – Ты идиот, Ли Мингю.

– Я не... – Возразить хочется слишком сильно, но он сразу же сдает назад, когда Чонхо замечает зеркало за его спиной и взгляд его резко меняется.

Меняется опять. Снова и снова.

(Как много в тебе граней, Пак-не-Чонхо?)

Кажется, его слышат, потому что глаза закрывают, отворачиваются, прячут грани. Мингю видит, как Чонхо внимательно смотрит на кровать, аккуратно застеленную пледом, на сложенную кофту на стуле. Смотрит на стопки тетрадей на столе, которые Мингю на автомате поправил.

Между ними опять повисает напряжение – *знакомое уже словно*, – и искрит оно до того ярко, что хочется лбом в зеркало врезаться, да что угодно, блядь, сделать, лишь бы вернуться туда, откуда пришел. И больше не чувствовать, как тебя к полу придавливает вот этим всем.

Мингю машинально засовывает руки в задние карманы джинсов – так, как всегда это делает, когда нервничает, – и понимает вдруг, что в одном из них его телефон, а в другом – пачка сигарет Тэёна, которую тот забыл у него на днях. Хоть

что-то у него осталось.

Чонхо смотрит на него снова, но теперь в его взгляде нет вообще ничего. В глазах напротив пусто совсем. Ни злости, ни осуждения, ни вопросов. Тишина.

(Бесконечное количество.)

– Будешь кофе? – спрашивают у Мингю.

Вопрос этот – не к месту. Вопрос этот – из несуществующего контекста вырван и треплет на ветру краями неровными с нитками торчащими. Вопрос этот почему-то за горло чужой рукой хватает, потому что неправильный совсем и так быть не должно.

– Буду, – соглашается он. И на кофе, и на то, что дальше будет. Не думает совсем.

Они стоят друг напротив друга и молчат, слушая, как шумит кофемашина. Та тарахтит так, будто собирается взлететь, не иначе, и это чуточку, самую малость смешно – Мингю, может, улыбнулся бы даже, если бы его так не кусали взглядом за каждую деталь лица. Больше всего страдают уши – он почти чувствует, как на них проявляются ровные отпечатки зубов и светят красным.

Чонхо смотрит до того внимательно, до того скрупулезно ощупывает взглядом его силуэт, что становится невыносимо неловко, потому что да, Мингю не привык к такому. Он в принципе не привык к тому, чтобы его разглядывали. Он так, муха на лобовом стекле чужой жизни, вовсе не обязательно столько внимания уделять.

Когда кофемашина перестает пытаться взлететь, Чонхо достает из холодильника пакет молока, а из кухонного шкафа – упаковку сахара кубиками. У Мингю не выходит удержать себя от недовольной гримасы, когда в чужую кружку летит его годовая норма сахара, а следом столько же молока. Чонхо отпивает свой кофе, не сводя взгляда с Мингю, который те же махинации не проделывает, а просто пьет свой горький американо как есть, неловко пытаясь прикрыть рукавом рубашки кисть левой руки, на которой виднеется татуировка. Это, конечно же, не укрывается от чужого взгляда.

Чонхо ставит кружку на стол.

И улыбается едва заметно.

А Мингю в этой улыбке не видит ничего хорошего.

Со стороны пола раздается уже приевшееся тьяканье; корги хватается зубами за штанину Чонхо, тянет на себя, смешно упираясь на передние лапы. Тот присаживается на корточки, гладит пса с нажимом, ерошит шерсть, чешет за ухом. На губах его улыбки нет уже.

– Мингю, – зовет он.

– Что?

– Как зовут нашу собаку?

Мингю давится кофе и прикладывает над собой титаническое усилие, чтобы не закашлять. Сглатывает с силой, делает еще один глоток. Молчит. И молчание его не воспринимают как нечто из ряда вон выходящее, его как должное принимают – и от этого страшнее всего.

Чонхо выпрямляется, смотрит в стол совсем непонятным взглядом, тянет руку к кружке, но опускает ее на полпути.

– На кого я учусь? – спрашивает он снова.

Мингю думает, что еще немного – и все. Он сорвется. Кружку в стену швырнет – и свою, и чужую, – погромит тут все, а потом, может, и с Чонхо подерется, потому что вряд ли тот будет против. Разумеется, Мингю только думает, но не делает ничего, даже кружку на стол не ставит – только в руке сильнее сжимает, оставляя попытки скрыть татуировку, которая наверняка в глазах Чонхо как вишенка на торте. Внутри пустота такая тянущая и бесконечная усталость от вопросов, которые только слоями накладываются, которые только душат друг друга в припадке и не собираются уступать место ответам. Искать их Мингю должен, но, блядь, как же он устал.

– Может, ты хотя бы скажешь, сколько мне лет?

Он прикрывает глаза на мгновение и громко ставит кружку на стол. Смотрит на Чонхо исподлобья сквозь отросшую челку и все так же молчит. Ждет просто стоит: вопроса очередного, других слов, может действий. Да чего угодно. Потому что сам Мингю тут уже сделать ничего не может. Он своим молчанием на все вопросы ответил. Почему же он сам все еще без ответов, если, чтобы их получить, кому-то просто нужно помолчать?

Чонхо поворачивается к нему спиной. Опирается руками на стол, склоняет голову, выдыхает шумно. На Мингю не

смотрит совсем. Слишком несуразный контраст с тем, как разглядывал его еще пять минут назад.

В следующие десять секунд звенящей тишины, что готовилась стать битым стеклом, Мингю не успевает подумать вообще ни о чем: ни о том, какой может быть чужая реакция, ни о том, что он будет делать, если его выставят на улицу или если кинутся с кулаками. Ни даже о том, понял ли этот Чонхо все то, что понять должен был, еще как только увидел его всего такого неправильного с пепельными волосами и на корню потерянным взглядом. Ничего не успевает – только вздохнуть один раз.

На выдохе Чонхо выпрямляется и скрывается в коридоре, так и не произнеся ни слова. Хлопает входная дверь. Мингю выдыхает еще раз, хоть в легких воздуха почти не осталось, мысленно желает себе задохнуться. Хочется пиздец как, но нельзя – сначала он должен все исправить.

Корги тычется носом в его штанину, задирает голову и скулит.

– Ну и как тебя зовут? – ворчит Мингю, опуская взгляд на собаку; садится на корточки, нехотя проводит ладонью пару раз по шерсти. – Разумеется, так ты мне и ответил. – Взгляд падает на тату на собственной руке, и очередной вздох рвется сам собой. Конечно же, у другого него не было никаких рисунков на коже. Так и тянет теперь расчесать кисть до крови.

Он понятия не имеет, куда ушел Чонхо. Почему *ушел*, а не

схватил его за шкуру и не выставил из квартиры. Впрочем, может, он пошел в ближайший участок. И лучше бы так, потому что подобное поведение ставит в такой тупик, что ни башкой пробить, ни перелезть. Стой себе и смотри на стену. Мингю медленно и через себя допивает остывший кофе и пытается вспомнить, как вел себя мелкий Чонхо – реакции какие-то, рефлексy, эмоции, – но в голове все та же пустота. Нет в башке совсем ничего, кроме огромного и красного знака вопроса. Того и гляди отдельной жизнью жить начнет и обернется вокруг его шеи. Задушит насмерть.

Он моет свою кружку и ставит в сушилку. Нервно ходит по кухне, начиная свыкаться с корги, который не отстает от него ни на шаг. Хочет вернуться в комнату к зеркалу, но разворачивается точно на пороге, стоит так спиной к проему минуты две или три. Тревога внутри возрастает в геометрической прогрессии.

Мингю понимает вдруг, что сделать ничего толком не сможет, пока не вернется Чонхо. Если кто-то и поможет ему разобраться во всем случившемся, то только он. Он больше никого не знает здесь. И не нужно. Не нужно ему это все, и мир этот дурацкий не нужен тоже.

Интересно, как там Тэён? Он ведь был в доме с ним. Как отреагировал на его исчезновение? А на то, что перед ним другой Мингю? Он ведь там, да? Другой он.

Единственно возможный вариант, наверное.

– Гадство, – выплевывает он, ненавидя себя за бессилие.

Нужно сделать хоть что-нибудь. Разведать обстановку, пока его никто не стесняет в действиях, к примеру. Мингю глубоко вздыхает и быстро пробегается взглядом по гостиной. Замечает вторую дверь, которая, скорее всего, ведет в комнату Чонхо. Взвешивает все за и против и решает не лезть туда, а иначе беды точно не миновать.

На диване валяется два смятых пледа, а на журнальном столике напротив стоят две пустые бутылки из-под пива. Мингю цепляется взглядом и за первое, и за второе, подвигает немного, а после улыбается. Чем-то напоминает их совместные вечера с Тэёном. Вот только Мингю бы точно выбросил пустые бутылки, не позволив им остаться вот так на столе. Что он и делает – и пусть не он был тем, кто сидел на этом диване и пил пиво с Чонхо.

В коридоре Мингю находит чей-то рюкзак, долго стоит над ним, но все же решается и расстегивает молнию. Внутри лежат тетради, ручки, конфеты и прочая мелочь – все это пребывает в таком хаосе, что у него уходит минуты две на то, чтобы отыскать в этом бардаке чужой айди.

– Двадцать один год, – смотрит Мингю на дату рождения Мина. У них четыре года разницы. Четыре. Боже. Сколько тогда Чонхо, получается?

Чтобы чем-то занять руки, Мингю листает тетради и без особого интереса проглядывает содержимое записанных лекций: история корейской литературы, религиоведение, еще какая-то ерунда, в которой он ничего не смыслит.

Ну и на кого другой он учится? Судя по всему, выбранная им профессия с рисованием не связана никак.

Расхаживая туда-сюда по гостиной, Мингю невольно поправляет вещи, забывая себя одергивать. Рассматривает книги на полках, перебирает диски с играми возле телевизора, потом даже включает сам телевизор и щелкает каналы. То расслабляется, то напрягается снова, когда понимает, что Чонхо нет уже слишком долго. Он собирает по городу армию, чтобы вернуться с вилами и ножами?

Корги скулит все громче, и Мингю тратит минут десять на то, чтобы найти собачий корм, который почему-то оказывается в холодильнике. Пока пес шуршит своей едой в миске, Мингю достает из кармана пачку сигарет и подходит к окну. Если он не покурит прямо сейчас, то просто свихнется. Балкона он не нашел – если тот и есть, то в комнате Чонхо, – поэтому придется дымить прямо в окно, что вряд ли спасет квартиру от запаха сигарет.

Мингю чиркает зажигалкой, зажимает сигарету губами, поднимает жалюзи, чтобы открыть окно. И замирает.

Небо. Сиреневое небо.

Он смотрит на небо бледно-сиреневого цвета.

В коридоре хлопает дверь, но Мингю настолько обомлел от открывшейся перед ним картины, что забывает вздрогнуть, собраться как-то, придать себе серьезный вид. Просто таращится на сиреневое небо с редкими перистыми облаками, которое было таким еще на фотографиях на стене, а он

даже не осознавал до настоящего момента. В ушах звенит, звенит нещадно.

– Эй.

Он оборачивается; пепел с сигареты падает на пол возле его ног.

Чонхо стоит в паре метров позади, держа какой-то пакет. Взъерошенный немного, челка растрепана, взгляд взволнованный, хоть это и скрыть пытаются. Мингю сглатывает и перехватывает пальцами сигарету, что до этого сжимал губами, затягивается. Смотрит настороженно и молчит. Чонхо кладет пакет на стол и подходит ближе, встает рядом. Мингю с трудом давит в себе рефлекс, не позволяет себе сделать ни шага назад – только курит и разглядывает лицо напротив. Чонхо его разглядывает тоже, и в голове мелькает мысль, что сейчас у него выхватят сигарету и зашвырнут ее в окно со словами «нехуй курить в моей квартире», но к нему только тянут руку в просящем жесте. Мингю смотрит на глубоко прочерченные на чужой ладони линии сердца и жизни, на автомате достает из кармана пачку сигарет и кладет ее в раскрытую руку.

– Мингю не курит, – говорит Чонхо, чиркнув зажигалкой и открыв окно, про которое он сам уже успел забыть.

– Я – Мингю, и я курю, – фыркает в ответ.

Ему ничего не отвечают, и вот это неопределенное молчание начинает уже раздражать. Его не то разбить на осколки хочется, не то самому об него разбиться. Он кидает окурок

в окно и опять смотрит на небо.

– Сиреневое, – невольно говорит вслух.

– Что?

– Небо.

– А каким еще оно должно быть? – приподнимает брови Чонхо.

– Не знаю, может, голубым? – Мингю глядит на него не то иронично, не то обиженно.

– Звучит странно. Но я бы посмотрел.

И опять повисает молчание. Мингю ждет одну минуту, другую, настырно позволяет тишине жить дальше, не хочет сдаваться первым, закуривает вторую сигарету и нервно грызет фильтр.

Он посылает все к черту на пятой минуте, потому что заебал, честно.

– Скажешь уже что-нибудь наконец? – Глядит на Чонхо предельно раздраженно, пытается взглядом уколоть, но тот от укулов неумелых только отмахивается.

– Я не знаю, что тут можно сказать.

– Давай я тебе помогу. – Мингю запрыгивает на подоконник и садится; не хочет больше видеть это сиреневое небо, которое сетчатку глаз своей неправильностью выжигает. – «Ты кто такой?», «Откуда ты, блядь, свалился?», «Где мой друг?», «Какого хрена ты куришь на моей кухне?». – Переводит взгляд на Чонхо. – Какой из вопросов выберешь?

– Последний.

– Серьезно?

Чонхо сдавленно улыбается, а после начинает беззвучно смеяться.

Что не так с этим парнем? Хотя одну из его реакций возможно предугадать или лучше сразу бросить это дело? Мингю начинает раздраженно трясти ногой.

– Ты куда ходил?

– В магазин.

– В самый дальний?

– Ага.

– Ты слишком странно ведешь себя для человека, у которого в квартире оказался совершенно посторонний чел, – не выдерживает Мингю.

– Это как посмотреть, – Чонхо отходит от окна, – будем считать, что я все еще не до конца осознал сей факт.

Он достает из пакета банку пива и сразу же открывает ее. Запрыгивает на стол, садится точно напротив, делает несколько глотков. Мингю же от нечего делать снова закури-вает.

Раскрытое окно ничем не помогает – сигаретный дым заполняет комнату, закручивается в спираль над его головой. Он глядит в потолок, затягивается так сильно, будто хочет умереть от переизбытка никотина в крови, и перебирает про себя все возможные слова – которые надо сказать, которые хочется сказать. Но сказать ничего не может уже, потому что любая выстроенная внутри фраза ломается обратно на со-

ставляющие. Как он сам повел бы себя в такой ситуации? Если бы вдруг проснулся и понял, что Тэён – вовсе не Тэён, хоть и лицо абсолютно такое же.

И чем больше Мингю думает об этом, тем больше убеждается в том, что просто не знает. Потому что предугадать даже свою реакцию слишком сложно.

– Он рассказывал мне, – говорит Чонхо, громко ставя банку рядом с собой на стол; Мингю переводит на него взгляд удивленно почти – не ждал уже, что тот все-таки заговорит, – про зеркало. Что по ночам видел там другого себя. Я сначала подумал, что ерунда все это, да и зеркало стоит в квартире с тех пор, как мы сюда въехали, а то два года назад было почти. Почему именно сейчас, спрашивается. – Чонхо замолкает, отпивает пиво опять, хмурится, будто вспоминает что-то. – Я ведь даже с ним оставался, чтобы самому увидеть все, но в зеркале ничего не было.

– Я тоже просил со мной остаться, – не выдерживает Мингю.

– А потом появляешься ты, – его слова пропускают мимо ушей, – в точности таким, каким тебя описывали.

– Ты по волосам и татуировке понял? – усмехается Мингю.

Чонхо улыбается, смотрит вниз куда-то, но уже спустя секунду – прямо ему в глаза.

– Это было слишком просто. И дело вовсе не во внешности.

– А в чем? Давай, расскажи мне.

– Вы абсолютно разные. Я знаю его еще со средней школы. Неужели ты думаешь, что я бы перепутал лучшего друга с тобой?

Мингю становится чуточку, самую малость обидно. Не то чтобы он тут в друзья набивался, ему это не нужно совсем, но обида как-то сама собой на голову ватным облаком оседает.

– А еще он неряха, в то время как ты даже тетради на столе поправил. Зачем, спрашивается? – Чонхо спрыгивает вниз. – Ты, судя по всему, животных не особо любишь, а именно он был тем, кто уговорил меня завести собаку. Он пьет кофе с молоком и кучей сахара, а ты не стал. Еще и куришь как паровоз.

– Извиняться за это не собираюсь. У меня стресс, может. Не каждый день просыпаешься не в своей комнате, квартире, мире. – Мингю делает яркий акцент на последнем слове, медлит немного и продолжает: – И не каждый день ты видишь соседского ребенка, резко повзрослевшего на десять лет.

– Погоди, это ты обо мне? – Чонхо так смешно округляет глаза, что он не удерживается от тихого смеха.

– Нет, блядь, про корги.

– В твоем мире есть я?

– И тебе двенадцать лет.

– Да быть такого не может. – Чонхо выглядит возмущенным до глубины души, и, пожалуй, это первый раз, когда

Мингю запросто читает эмоции на его лице. – Получается, другому мне ты хён? Нет, я с этим не согласен совершенно.

– Придется. Потому что я не только твоего мелкого двойника старше, но и тебя, судя по всему.

– Мне двадцать два вообще-то.

– А мне двадцать пять.

– Пиздец. Нет, я отказываюсь это воспринимать. – Чонхо выставляет перед собой ладонь, обозначая невидимые границы, берет уже почти пустую банку пива и допивает остатки.

– То есть двойника своего лучшего друга ты воспринять можешь, а то, что он тебя старше, – нет? Тебе точно двадцать два, а не двенадцать? – Мингю вдруг начинает настолько веселить вся эта ситуация, что он на пару мгновений забывает о растекающейся чернилами тревоге внутри.

– Я не собираюсь называть тебя хёном.

– А я просил?

Чонхо в ответ не говорит уже ничего – подходит близко совсем, наклоняется вперед и разглядывает в упор. Мингю от неожиданности шарахается назад, да так резко, что точно бы вывалился прямо в открытое окно, если бы Чонхо не схватил его за ворот рубашки. Возвращает на место, но руку разжимать не спешит – приближает лицо свое и разглядывает. А Мингю близость чужая нервирует настолько, что лучше бы он в окно выпал, честное слово.

– Отвали.

– У вас реально одно лицо, – игнорирует его негодование Чонхо, а у Мингю окончательно сдают нервы, когда чужое лицо оказывается еще ближе: он резко дергает головой и дает Чонхо по лбу, заставляя того отпрянуть. – За что?!

– Есть такая штука, зона комфорта называется. Не слышал о ней? – Мингю поправляет ворот рубашки.

– Извини, я забылся, – Чонхо трет лоб, – просто...

– Просто что?

– Мингю нормально относится к чужой близости, если так можно выразиться.

– Избавь меня от этого.

– Ладно. – Чонхо запрыгивает обратно на стол. – Рассказывай.

– Что?

– Все? Чем быстрее мы разберемся в этой ситуации, тем лучше.

– А то, что мы тут в молчанку играли черт знает сколько времени, – это ничего? – закатывает глаза Мингю.

Он никогда не был ярым любителем потрепаться языком, поэтому у него уходит минуты две на то, чтобы раскататься, – если бы не подстегивающее желание поскорее вернуть все на свои места, он бы тянул резину до глубокой ночи. Скажи ему кто вчера, что на следующий день он будет сидеть на кухне со взрослым Чонхо и тереть за жизнь, он бы послал этого человека в непрекрасное далёко.

В какой-то момент Мингю понимает, что рассказывать

ему нечего особо – вряд ли его история сильно отличается от того, что сам Чонхо уже слышал от другого него. Лишь декорации разные. И предыстории людей, которые дошли до всего этого.

Как же, мать вашу, иронично – оказаться внедренным в жизнь, которой сам всегда хотел жить. Оказаться, но все равно пытаться сбежать. Если бы Мингю мог охарактеризовать себя всего одним словом – это был бы «побег». Но он бы и в этом не признался.

Чонхо надо отдать должное – он не перебивает совсем, слушает внимательно и в какой-то момент достает из пакета еще две банки пива, одну из которых протягивает Мингю, предварительно открыв. Тот берет ее на автомате, отпивает и только потом понимает, что сделал. Отмахивается сам от себя мысленно, сверлит взглядом то чужие босые ноги, то бежевый кафель на полу, то свою руку, что держит пиво. Пытается отвлечься как-то от своих же слов, переключает все внимание на неприятное ощущение скользящих по влажной поверхности банки пальцев. Одна капля срывается вниз и падает прямо на нос корги, что примостился под его ногами на полу, заставляя того громко чихнуть.

– Ты не думал, почему это произошло? – спрашивает Чонхо, когда Мингю замолкает, отвлекшись на собаку.

– Что именно? – Понимает вроде, что вопрос о зеркале, но думает почему-то о жизни своей и ситуации, в которую попал. И как бы все сложилось, не знай он Санхёна. Об этом

он, разумеется, не говорит ни слова.

– Обмен. Я уже говорил, что зеркало это стоит у нас с тех пор, как мы сюда въехали. И ничего странного не происходило.

– Наверное, во мне дело, – горько усмехается Мингю, – в том, что по ту сторону оказался именно я, а не кто-то другой.

Чонхо шумно отхлебывает пиво, запрокидывает голову, смотрит в потолок. Хмыкает.

– Вероятность была ничтожно мала, да? Того, что у вас обоих будет это зеркало. Но этого все равно недостаточно. Ты вроде говорил еще про время. Сколько там было?

– Тринадцать минут второго ночи.

Он смотрит на настенные часы и хмыкает опять.

– Подождем нужного времени и посмотрим, что будет?

– Будто у меня выбор есть. – Мингю громко ставит банку рядом с собой, сжимая ее рукой так сильно, что поверхность мнется. – А ты что же?

– Что я?

– Не хочешь меня на улицу выставить уже?

– Это было первой мыслью, – Чонхо улыбается ехидно и как-то озорно, и вот это все совершенно не вяжется с тем, о чем они тут говорят, – но я решил сначала прогуляться немного и подумать.

– А если бы ты вернулся, а меня и след простыл?

– Почему-то мне показалось, что ты никуда не денешься.

Мингю пожимает плечами:

– Тоже верно. Куда я такой пойду.

Сейчас, когда первоначальная паника отошла на второй план, ее место заняло любопытство. Мингю не сразу осознает его, а когда это происходит, пытается абстрагироваться. Выходит, мягко говоря, не очень, поэтому он просто отпускает себя, даже не пытаясь найти по ходу дела хоть парочку оправданий – просто смотрит на Чонхо, прямо и открыто. Разглядывает человека напротив с такой дотошностью, будто пытается доказать самому себе, что все происходящее – обман и неразумный бред его перегруженного впечатлениями мозга. Доказательств не находится – лишь больше подтверждений. Перед глазами больше не плывет от тошноты, увиденное не искажается, а становится четким настолько, что каждый цвет того и гляди надломится и прольется цветом новым.

Перед ним действительно Чонхо. Сейчас Мингю узнает черты давно знакомого лица. Узнает, но все равно не понимает, как такое вообще могло произойти. Вот с тем мелким надоедливym ребенком – как? Теперь Чонхо высокий, весь такой с плечами широкими, красивый. И взгляд слишком взрослый. Мингю невольно вспоминает, как тогда на кухне ему восторженно рассказывали про какую-то симпатичную одноклассницу, и начинает тихо посмеиваться.

– Ты чего?

– Скажи, а ты случаем в школе ни на каких одноклассниц не западал? – Он прячет улыбку за банкой пива.

– Может быть, я не уверен. – Судя по лицу, Чонхо правда пытается вспомнить, но не выходит никак. – Ты к чему это?

– Вспомнил, как только переехал, а ко мне мелкий приперся. Начал про девчонок заливать. Отнял у меня кровать потом и еще и футболку свою оставил, которую после Тэён нашел.

– Ч... что? – Чонхо так резко меняется в лице, что Мингю от неожиданности проглатывает смешок. – Что ты сказал?

– Когда?

– Ты... – Он медленно слезает вниз, выпрямляется; смотрит так напряженно и в то же время взволнованно, что эмоции эти тем самым вопросом невысказанным вокруг шеи оборачиваются. – Ты... у тебя... мне слышалось? Скажи, что мне слышалось.

– Да в чем дело? – начинает раздражаться Мингю, но осознание резко затягивает узел на шее до упора. И не вздохнуть никак. – Блядь.

Они молчат. Смотрят друг другу в глаза и молчат. Чонхо взгляд отводит первым, накрывает лоб ладонью, отходит в сторону. Мингю слышит нервный смешок.

– Ты знаешь Тэёна? – В его голосе напряжение помножено на половину бесконечности.

– Если в моем мире есть я, есть ты, то логично предположить, что...

– Я не об этом спросил. *Ты* знаешь *Тэёна*? – Чонхо оборачивается.

– Он мой лучший друг со школы. Как я у тебя. То есть другой Мингю, да, не я. – Он теряется совсем, и это настолько не в его характере – чувствовать себя вдруг припертым к стенке, – что невольно хочется просто уйти. – Слушай, я хотел спросить об этом, но как-то...

– О чем спросить?

– Я видел рисунки. И фотографию. Они как бы... были вместе, что ли? – Подбирать слова тоже не в его стиле, честно говоря. Получается так себе, но что поделать.

– Извини, что назвал тебя идиотом тогда.

– Не уходи от ответа.

Чонхо выдыхает громко, трет переносицу, медлит как может – это видно по выражению лица. Мингю же пытается быть терпеливым, но нервно дергающаяся нога выдает его с головой.

– Хорошо, что вы просто друзья. Если бы я сейчас узнал, что еще и ты, то... – Чонхо кривится, избегает смотреть в глаза. – Я слишком долго вытаскивал его из этой ямы, и... Не особо хочу в этом копаться опять. Тэён – мудака. Это все, что я могу сказать.

– Слушай, я как бы могу понять, что ты про другого Тэёна говоришь, но мне не особо приятно слышать подобные слова, поэтому давай поосторожнее на поворотах, – чересчур агрессивно реагирует Мингю и даже не жалеет об этом.

– Извиняться не собираюсь.

– Да ради бога.

Мингю открывает рот, чтобы наконец-то высказать мысль, которая терзала его еще с момента весьма своеобразного знакомства с прошлым Мина, но сразу же сдает назад. Чонхо не нужно знать, что они с Тэёном были вместе, когда произошел обмен. Пусть знает что угодно, но вот это – это не надо.

Чиркает зажигалка; к не успевшему выветриться запаху сигарет примешиваются новые оттенки. Мингю выдыхает дым и думает, что, если бы у отчаяния был запах, оно бы пахло как сигареты Тэёна в этот самый момент.

Мингю не запоминает, как долго они не говорят. Судя по ощущениям – час или около того. Он не смотрит на время. Но смотрит на Чонхо – исподтишка, украдкой, потому что теперь смотреть прямо будто неловко и до непозволительно-го странно. Мингю не может понять, почему. Думает, что, возможно, просто боится увидеть на чужом лице неодобрение – тяжелое такое, увесистое настолько, что им прибить можно. Но на лице Чонхо ничего нет – как тогда, когда он увидел на полу комнаты разбросанные рисунки, что смотрели на них одним и тем же взглядом – взглядом Тэёна. На лице Чонхо пусто, а перед ним самим – стена. Мингю не пытается пробиться сквозь нее, ибо зачем. Ему не нужно это. Ему бы домой вернуться и выдохнуть с облегчением. Ему бы убежать опять и снова спрятаться в своей скорлупе, лишь изредка позволяя некоторым стучаться в нее.

Чонхо сидит на диване и не отрывает взгляда от своего телефона. Мингю продолжает ходить от окна до кухонной стойки и обратно, изредка поглядывая на чужой затылок, что виднеется из-за спинки дивана. Корги сидит где-то между ними – на полпути в одну сторону, на полпути в другую – и время от времени скулит надсадно, намекая не то на необходимость прогуляться по улице, не то на «какие же вы душные». Мингю смотрит на собаку сначала раздраженно, потом

– устало и хочет пойти выгулять пса самому, но боится выйти на улицу. Он не знает, чего ждать от этой самой улицы. Города. Мира? Вдруг он выйдет и увидит синих людей или летающие машины? Одна мысль вгоняет в тупой ужас, а желания проверять как-то нет совсем, поэтому Мингю продолжает терпеть и лишь изредка посматривать на Чонхо, в глубине души надеясь, что тот перестанет играть в молчанку. Он, кажется, охуеть какой спец в этой области. Мингю, честно говоря, болтливых не особо любит (особенно если болтают не по делу), но тут напрягается все больше и больше, прямо до самого основания души напрягается. Это молчание угнетает. Хотя, казалось бы, куда уж больше.

Сигареты закончились еще полчаса назад, поэтому он просто мнет пустую упаковку и постоянно чиркает зажигалкой, чтобы хоть как-то занять руки. Думает, что до ночи осталось совсем недолго. Что вот стрелки снова покажут это ненавистное «1:13», и он окажется по другую сторону зеркала. По свою сторону. Дома окажется. Дом, конечно, назван таковым с натяжкой, ибо у Мингю дома нет. Давно уже. Быть перелетной птичкой – занятие такое себе, но так сложилось. А теперь вы посмотрите только, куда эта птичка долетела. До мира другого. До Чонхо взрослого. До чужой жизни, которой подсознательно хотелось бы жить.

Мингю пытается не думать о том, сколько еще они будут сидеть в этой резиновой тишине, что тянется во все стороны сто раз пережеванной жвачкой, но не выходит как-то, поэто-

му он *думает* – и мозг почти откидывается, ибо после всего произошедшего откинулся бы даже самый стойкий. Мингю не откинулся, но близок. Держится. Строит из себя крутого и гордо позволяет тишине продолжать пережевывать саму себя.

Это же Чонхо, господи. Мелкий шкет, с мамой которого он как-то соджу⁶ на кухне цедил, пока этот самый мелкий шкет спал в соседней комнате зубами к стенке. Это Чонхо, который дуется каждый раз, когда его называют милым или намекают на то, что он все еще ребенок. Гиперактивный Пак Чонхо с шилом в жопе размером с Пизанскую башню. Шумный, дурной, но, боже, такой родной. Младший брат, о котором он не просил, да.

Тишина вдруг вскидывает руки и решает уступить место совершенно постороннему и громкого звуку, который Мингю даже не сразу идентифицирует. Понимает неожиданно, что это урчит его живот. Думает о предателях и том, что кругом один обман, чувствует себя предельно неловко и хочет сквозь землю провалиться, потому что видит, как Чонхо оглядывается на него с вытянувшимся лицом.

Смотрит максимально растерянно и выдает вдруг:

– Ты жрать, что ли, хочешь?

Мингю сглатывает, чувствуя себя *неудобно*, шарит глазами по кухне, не хочет отвечать совсем, ибо ответ и так изве-

⁶ Соджу – традиционный корейский алкогольный напиток, обычно крепостью 19°. Чаще всего производится на основе сладкого картофеля.

стен, хоть он его и сам не осознает. Мнет опять пустую сигаретную пачку в руках и переезжает танком очевидное:

– Нет.

Брови Чонхо ползут еще выше, когда живот Мингю возмущается на это «нет» как только может.

– Что-то я тебе не верю.

– Ну и что теперь? Ты мне бутерброд сделаешь?

– В холодильнике есть кимпап из 7-Eleven⁷. Даже не просроченный.

– Ебать ты меня обрадовал.

Чонхо фыркает и отворачивается. Мингю начинает жевать щеку изнутри, когда понимает, что, как обычно, фее-рично просрал шанс завязать подобие разговора. Нет, почему с этим парнем настолько сложно? Что с мелким, что со взрослым.

Он с титаническим усилием переступает через себя и открывает холодильник. Не глядя хватая кимпап (ничего похожего на него там больше нет), на ходу срывает обертку и плюхается прямо на журнальный столик, подминая под себя какую-то газету. Отправляет в рот сразу два куска, угрюмо смотрит на Чонхо, который переводит на него взгляд в ответ. Мингю вдруг замечает, что экран его телефона черный. Он все это время на отражение свое смотрел?

– Что?

– А что? – мгновенно реагирует Мингю с набитым ртом.

⁷ 7-Eleven – крупная сеть небольших круглосуточных магазинчиков.

Они опять сидят друг напротив друга и снова *молчат*. Наверное, он бы привык даже к тишине этой, если бы ее не нарушал ворох мыслей в собственной голове, который начинал активизироваться сразу, как только он оказывался с Чонхо лицом к лицу.

Мингю вдруг великодушно решает про себя, что раз он старше, то ему и рулить ситуацией. Очень милосердно же с его стороны, ага? И лучше это сделать...

...а как это сделать. Издалека?

Он все еще чувствует себя немного обиженным, но Мингю не десять лет, чтобы не понимать истинную природу всех сказанных слов. Он упрям во многих вопросах, бесспорно, но упрямство и гордость отходят на второй план куда быстрее, чем он успевает это осознать. Сейчас другие вещи куда важнее.

– Как вы познакомились? – Издалека так издалека.

– С кем? – сразу же оживляется Чонхо.

– У тебя много вариантов?

– С Мингю? А... мы... на курсы вместе ходили. Готовились к поступлению в старшую школу. Правда, он на год младше был и не особо парился по этому поводу, – Чонхо смеется, – говорил, что у него еще целый год в запасе. А у меня вот его не было.

– В одну старшую школу поступили?

– Ага. Он следом за мной.

– Какой верный.

Чонхо опять смеется – чуть тише, чем до этого, и как-то бесконечно грустно.

– Переживаешь, что ли? – нехотя интересуется Мингю.

– А ты бы не переживал?

Он резко перестает жевать и возводит взгляд к потолку, пытаясь представить себе реакцию Тэёна, который по утру открывает свои прекрасные очи и видит не того Мингю, которого привык видеть каждый (или почти) день. В одном он уверен точно: Тэён догадался о подмене так же быстро, как и Чонхо. Если не быстрее. У Тэёна просто под кожу вшит радар на Мингю – *его* Мингю, – а еще на странности, которые стороной его никогда не обходят. Видать, он заразился. Черт бы побрал этого Тэёна.

– Ты бы не переживал, если бы твой Тэён пропал, а потом бы выяснилось, что он в другом мире? – режет Чонхо без ножа, когда понимает, что Мингю подозрительно долго молчит.

– Этот дурак и в своем мире приключения на свою жопу находит. В этот раз тоже нашел, – отмахивается он и от неожиданности прикусывает язык. Ой, зря.

– Что ты имеешь в виду?

Мингю настырно молчит и дожевывает кимпап, а Чонхо вдруг решает прекратить обстрел каверзными вопросами, переключив свое внимание обратно на телефон. С черным экраном, ну да.

Он смотрит на настенные часы. Минутная стрелка щелка-

ет и передвигается на одно деление вперед. Только девятый час вечера. Как просидеть в этом резиновом молчании еще несколько часов? Мингю надеется, что этим все и ограничится. А потом он, может, даже посмеется над абсурдностью всего, что произошло. Это же так иронично. Так, блядь, тупым ножом по подтаявшей коже где-то в районе груди.

– Сейчас я думаю обо всем этом и... – начинает Чонхо и сразу спотыкается, путается в словах, а взглядом – в волосах Мингю. – Разве такое вообще возможно?

– До тебя только сейчас и доперло? Seriously? – Мингю чужой взгляд из прядей волос выпутывает – поднимается с места и уходит на кухню.

– Чем больше я думаю об этом, тем больше... я даже не знаю, как это сказать. – Чонхо оборачивается ему вслед, закидывая руку на спинку дивана. – Никто мне не поверит. У меня нет доказательств.

– А зачем тебе что-то доказывать? Ты собрался кому-то рассказать об этом? – Мингю выбрасывает упаковку кимпа-па и по привычке лезет в карман, запоздало вспоминая, что пачка сигарет давно пустая.

– Нет. Просто... подумалось вдруг.

– Я – живое доказательство, если на то пошло.

Чонхо фырчит, как кот, которого погладили, когда не просят, и встает с дивана.

– Пойдем.

– Куда?

– Сигарет тебе купим. Все равно делать больше нечего.

Тишина вдруг схлопывается, съеживается до размеров точки, а затем словно почти взрывается в попытке стать чем-то другим. Почти, но нет. Мингю чувствует, как она балансирует на краю пропасти – не может ни рухнуть вниз, ни остаться. Наверное, не время еще.

Он моргает пару раз, переваривая услышанное, тянет руку, чтобы выбросить пустую пачку следом за оберткой ким-папа, но передумывает на полпути – кладет мятую коробочку на стол под вопросительным взглядом Чонхо. Пожимает плечами. Не хочет произносить вслух, что это все, что осталось у него от Тэёна в этом мире.

Интересно, как много времени нужно, чтобы научиться разговаривать друг с другом молчанием?

У них неплохо получается.

– Печеньку возьми с собой, – бросает Чонхо через плечо.

– Что? Печеньку? – Мингю аж тормозит от непонимания.

Сзади радостно гавкает корги.

Оу.

– Только не говори мне, что вы назвали собаку Печенькой.

– Не мы, – Чонхо посмеивается, пока зашнуровывает кеды.

– О господи, ладно, – сдаётся Мингю, хочет добавить вдогонку: «Меня это не касается», но эти слова как будто не хотят покидать рот, хотя имеют полное право быть сказанными. Он оборачивается на собаку: – Ну пойдём, Печенюха.

Только сразу говорю: я за тобой какахи убирать не буду. И к слову, — он глядит на Чонхо, — мне босиком идти?

— Можешь... можешь надеть вон те кеды, — тот кивает в сторону мятных конверсов, а Мингю сразу понимает, чья это обувь.

Он, честно говоря, вообще ни о чем не успевает подумать. Ни когда они в лифте спускаются на первый этаж, ни когда смотрит, как корги натягивает поводок, утягивая Чонхо вслед за собой к выходу. Ни о чем не успевает.

Вплоть до момента, когда застывает на этом самом выходе и не может сделать больше ни шага.

Смотрит вперед с испугом, страхом почти, и он не как снежный ком нарастал, страх этот, — он просто взял и одним выверенным движением сжал горло, перекрывая кислород. И надавливает вдогонку еще раз, для верности так, — будто показывая, кто здесь хозяин.

Мингю смотрит сквозь стеклянные двери вперед, на улицу, и не может сделать ни вдоха, потому что ему, блядь, страшно. Он не знает, что там. Не знает, что его ждет. Там мир ведь другой совсем. Там дороги другие, люди. Чужое все. Не его.

Лучше бы он остался в квартире.

Чонхо оборачивается на него, приподнимает брови в немом вопросе, придерживает за собой дверь и смотрит. Корги перестает рваться вперед и терпеливо садится возле его ног. Мингю сглатывает и не может заставить себя отве-

тить на чужой взгляд. Но ответить на взгляд Чонхо – это одно, а вот поднять глаза чуть вверх – это другое совсем.

Мингю нервным жестом трет шею, борется с желанием ногтями кожу поскрести, вздыхает глубоко и через силу. Все нормально ведь. Подумаешь. Нормально же. Хорошо все.

Чонхо протягивает ему раскрытую ладонь, предлагая последовать за ним, а у Мингю перед глазами вдруг картина мазками густыми, воспоминание акварелью яркой – как когда-то давно он так же протягивал руку маленькому Чонхо, который боялся выйти на улицу, так как мама запретила покидать квартиру. «Все в порядке, – говорил Мингю тогда, – она не будет ругаться, ведь с тобой я».

А сейчас руку протягивает Чонхо – ему, Мингю, протягивает. Светит опять своими глубоко прочерченными линиями жизни и сердца, а Мингю вдруг кажется, что одна из линий глубже стала, высеченной на коже словно, но рассмотреть не успевает, какая именно, потому что накрывает линии своей рукой. Не думая вообще – *опять*, – по инерции, на автомате.

Он почему-то принимает чужой жест не-помощи (понимания?) и позволяет выдернуть себя на улицу. Две секунды или три – Чонхо сразу же отпускает его руку и слегка улыбается. И в улыбке этой насмешки нет совсем, там только «видишь, ничего страшного». А Мингю задирает голову и смотрит на небо, которое не бледно-сиреневое уже, а лавандовое такое, яркое, кричащее. Кричит, правда, не небо во все, а солнце закатное, что решило вконец добить те крохи

самообладания, что остались внутри. Если бы Мингю не был Мингю, он бы заплакал, наверное.

Лавандовое поле, которое не поле вовсе, а небо.

Для него это слишком.

Он опускает голову и смотрит вниз, на свою обувь. Свою ли? Кеды принадлежат Мину. Ему же в этом мире не принадлежит ничего, кроме пустой пачки сигарет и телефона, который по-прежнему греет задний карман джинсов. И ничего не изменится до той самой минуты, когда он покинет это место. Немного же осталось совсем, верно?

Чонхо кашляет в кулак, привлекая внимание, и Мингю вздрагивает. Мгновенно придает себе безразличный вид, засовывает руки в карманы штанов, становится весь из себя такой *мне-удивительно-похуй*, но спрятанные в карманах ладони подрагивают, а кожа на нижней губе чуть трескается, потому что он не прекращает елозить по ней зубами.

– Идем? – ему заглядывают в глаза, чуть наклонив голову.

– Идем, – соглашается Мингю и делает первый шаг после того, как его делает Чонхо.

– Здесь есть 7-Eleven в этом же доме, но, если ты хочешь пройтись... – предлагают неуверенно, а Мингю уже кивает, не успев дослушать до конца.

Осознает вдруг, что не чужого мира боится, не того, что там, за гранью и слишком далеко от его понимания, боится не *правильной* стороны реальности (потому что изнаночная – та, из которой он пришел), а того, что захочет остаться.

Невозможно.

Невозможно, поэтому Мингю чуть ускоряет шаг и равняется с Чонхо, который, наоборот, идти начинает медленнее, будто давая ему немного свободы. Мингю быстро шарит взглядом по округе и переводит взгляд себе под ноги. Делает так снова и снова, пока истершаяся нить внутри не обрывается, а он – на одно краткое мгновение не теряет равновесие, вырвавшись за (не) существующие пределы самого себя.

Корги тихо тьявкает и останавливается у одной витрины. Мингю тормозит тоже, смотрит на огромное количество щенков и котят за стеклом, которых разместили так, чтобы проходящие мимо люди не могли удержаться от того, чтобы поглазеть. Корги тычется носом в стекло, где с обратной стороны радостно виляет хвостом маленький пушистый щенок, похожий на белое облачко.

– Он каждый раз здесь останавливается, – усмехается Чонхо.

– Это приют? – Мингю таращится на крошечного серого котенка с черными пятнами.

– Их продают. А еще это ветеринарная клиника. Куки, пойдем. – Чонхо тянет поводок, но корги упирается.

А Мингю, в общем-то, вполне солидарен с этой собакой, хотя сам не понимает, почему. Стоит себе и глазеет на котенка, который спокойно сидит перед стеклом, обернув пушистым хвостом лапы.

– Ты так смотришь на него, что мне аж купить его тебе за-

хотелось, – как-то подавленно выдает Чонхо спустя минуту.

– Что? – вздрагивает он и оборачивается, смотрит удивленно. – В хёна играешь, что ли?

– Прости, привычка.

– Расслабься, отучиваться не придется.

Через какое-то время Чонхо все-таки удается оттащить Куки от витрины, и они идут дальше. Идти, правда, приходится лишь минуты две от силы – они проходят мимо одного из выходов станции метро и останавливаются перед большим 7-Eleven. Мингю оглядывается на выход из подземки и вспоминает отстраненно, что пару лет назад даже был здесь. И воспоминание это кажется совсем чужим. Не его.

В магазине Чонхо проходит сразу к кассе, а Мингю встает между рядов и разглядывает все, за что цепляется его взгляд. Ничего необычного – все те же пестрые обертки шоколадных батончиков и привычные названия вроде KitKat. Все родное и чуточку приевшееся – он видел все это каждый божий день, потому что рядом с его бывшим домом за углом был именно 7-Eleven. Все привычное, да, но-

небо почему-то сиреневое.

Где та грань, которую прочертила Вселенная, разделив два мира?

...Может, грань – это небо?

На выходе Чонхо сует ему в руки пачку сигарет, и Мингю сразу же открывает ее, не глядя. Начинает смолить прямо посреди улицы и ловит спиной пару недовольных взглядов

от проходящих мимо тетушек. Чонхо (привычно) молчит и лишь искоса наблюдает за ним – то ли выкрутасов еще каких ждет с опаской, то ли просто приглядывается. Так сразу и не скажешь. Мингю об этом не размышляет особо – у него других забот по горло. Сейчас вот, к примеру, первоочередное – это спасти себя от никотиновой ломки.

– За сигареты спасибо, – говорит он, когда они заворачивают в небольшой парк позади дома, чтобы выгулять корги. – Сказал бы «с меня пиво в следующий раз», да следующего раза не будет.

Чонхо усмехается понимающе и спускает Куки с поводка.

– Расскажи мне, – просит он.

– О чем? – Мингю пытается прикурить уже третью сигарету, яростно чиркая зажигалкой, но та не слушается.

– О своем мире, – отвечают ему и забирают зажигалку из рук. – Я бы предложил взамен рассказать о своем, но ты и так все видишь своими глазами.

Мингю чуть сильнее сжимает фильтр сигареты губами и наблюдает за тем, как Чонхо чиркает зажигалкой и огонек появляется с первого раза. Ему отчего-то сильно хочется закатить глаза, но вместо этого он быстро прикуривает и выхватывает зажигалку из чужих рук, едва ту успевают погасить.

– Я не знаю, что рассказать о своем мире. Кроме того, что наше небо не такое, – нехотя говорит он, кусая фильтр.

– Голубое?

– Ага.

– Я бы посмотрел.

– Ты это уже говорил.

Чонхо кивает слегка и едва заметно улыбается, а Мингю вдруг думается, что мелкий Чонхо тоже бы сказал нечто подобное. Что хотел бы посмотреть. И дело, наверное, даже не в небе.

– А другой я какой? – спрашивают у Мингю, и тот даже не теряется от неожиданного вопроса, а на автомате выдает:
– Дурной.

Ему в ответ одобряюще смеются – тепло так, задорно, до мурашек непрошенных. Если и теряться, то не от вопросов, застающих врасплох, а от смеха вот такого. Нехороший смех. Совсем нехороший. Все нехорошо, что начинает нравиться быстро. Для Мингю.

Через пять минут им приходится быстро драпать в сторону дома, потому что Куки пристроился к симпатичному той-терьеру, и хозяйка собачки начала рассыпаться в совсем неприличных словах, что преследовали их все то время, которое они бежали.

«Все еще чужое, – думает Мингю, влетая внутрь здания, – все еще абсурдно, – думает, тыкая на кнопку лифта, – но как же, мать вашу, уморительно». Жаль, Тэён не здесь. Он, наверное, начав улепетывать, и той-терьера прихватил бы с радостным визгом.

– А ты какой? – Чонхо все-таки умеет не только смехом

врасплох заставить, но и вопросами.

– В смысле? Я? – Мингю застывает с одним снятым кедам.

– Да. Своего Мингю я знаю, а тебя вот нет, – неразборчиво бубнят в ответ, нехотя словно.

– Тебе двадцать два, а ты все еще думаешь, что людей вот так и узнают? Никто никогда тебе не расскажет. На это нужно...

– Время? – Чонхо блестит своими темными глазами в потемках коридора. – Его нет. Потому я и спросил.

– Спросил и уверен, что я отвечу? Я вообще не... – Мингю глотает оставшиеся слова и сразу же забывает, что хотел сказать. Он не... что? Не знает, какой он?

Иногда проще узнать других, чем самого себя. Иногда внутри такая дыра, что в нее не то что другим не дашь посмотреть, но и сам не заглянешь. Однажды только – сдуру, спьяну, – а потом перекрестишься и взгляд отведешь. Не будешь глядеть больше. Просто нет там ничего – темнота крошечная, пустота, вакуум, хуйня какая-то.

– Ты ментоловые сигареты куришь, – говорит Чонхо, вешая поводок на одну из вешалок.

– О чем ты? – Мингю настолько потерялся в своих размышлениях, что находится не сразу.

На него смотрят многозначительным взглядом и пожимают плечами.

– Ты же не сказал ничего.

– О чем ты вообще?

– Я купил ментоловые сигареты. Наобум, если честно. Ты не заметил?

Мингю открывает рот, чтобы возразить, но сразу же захлопывает его обратно. Облизывает губы с остаточным привкусом табака. Накрывает ладонью пачку сигарет в заднем кармане джинсов. Подвисает окончательно.

Не заметил, да. Потому что обычно такие и курит.

– Как ты понял?

– Мне показалось, что сигареты, которые ты с собой при- тащил, не твои. Не удивлюсь, если Тэёна, – бросает Чонхо через плечо, исчезая на кухне.

Приехали, думает Мингю. На хуй, просто на хуй вот это все.

Корги хватает зубами его штанину и начинает тянуть на себя, смешно рыча. Он смотрит вниз на пса и почему-то уже не хочет стряхнуть его с себя.

– Так что? – сразу прилетает вопросом в Мингю, стоит ему зайти на кухню. Чонхо стоит возле кофемашины и засыпает в нее новую порцию зерен.

– Что?

– У нас еще три часа до нужного времени. В любой другой ситуации я бы предложил посмотреть какой-нибудь фильм или порезаться в приставку, но вряд ли ты будешь в восторге.

– И? Что ты предлагаешь?

– Не знаю, – Чонхо чешет затылок и достает чистую кружку, – поговорить, может. Я уже пытался, если ты не заметил.

– Не заметил, – фыркает Мингю, на что получает прищуренный взгляд, полный укора.

Они молча пьют кофе, но в этот раз тишина между ними другая какая-то совсем – не тянется резиной во все стороны, а звенит стеклом, готовым вот-вот разбиться. У каждого поперек лица прописаны слова – обрывками, слогами, – которые хочется сказать. Слоги сталкиваются, складываются в неизвестные слова, снова разбегаются. У Мингю на языке вертится миллион фраз и предложений, которые почему-то очень хочется озвучить, дать им жизнь, но он только громко молчит и маленькими глотками отпивает кофе, наблюдая за корги, который окончательно устал и задремал на полу возле их ног.

– Тебя хоть кто-нибудь может растолкать? – интересуется Чонхо неожиданно.

– Прости?

– Ты молчун.

– Ты тоже.

– Возможно. Но у тебя по молчанию черный пояс.

– Да боже. Что ты хочешь услышать от меня?

– Как у тебя оказалось это зеркало? Это же произошло недавно, верно? – сразу же спрашивают у Мингю.

Он хмурится, тянется к карману за сигаретами. Подходит к окну, щурится немного, разглядывая вечернее небо. За огнями города видно плохо, но Мингю *видит все равно* – темно-фиолетовое. И звезды, боже. Несколько мигающих точек

звезд – всего несколько, но ярких настолько, что от их голубого света режет глаза.

Он закуривает и снова прячется от чужих небес – поворачивается спиной к окну и глядит на Чонхо.

– Я переехал несколько дней назад. В новом доме в кладовке стояло это зеркало. Осталось от предыдущих арендаторов. И если бы не ты...

– Я? – приподнимает брови Чонхо.

– Не ты, – поправляет себя Мингю запоздало, – другой ты, мелкий.

– А что он?

– Уговорил достать это зеркало и поставить в спальне. Тогда все и началось – по ночам в одно и то же время.

В подробности как-то не очень хочется пускаться. Почему переехал, куда именно, при каких обстоятельствах. Как смотрел на спящего мелкого Чонхо, чувствуя спиной чей-то взгляд со стороны зеркала. Как названивал Тэёну посреди ночи. Как видел его в последний раз, после пропав-
где-то. Где?..

– Ты видел его?

– Кого? Другого себя? Видел, один раз. И охуел от жизни настолько, что, наверное, не спал бы потом месяц. Увы, нет возможности проверить пока.

Чонхо начинает смеяться, но резко замолкает, возводя взгляд к потолку.

– Он тебя видел не один раз.

– Я уже догадался, – кривится Мингю, – у меня, знаешь ли, волосы на затылке танго танцевали.

– Я все никак не могу перестать думать о том, насколько... – Чонхо замолкает на пару секунд и цокает языком, буд-то пробуя на вкус слова, которые еще не успел произнести. – Насколько это поразительное стечение обстоятельств.

– То есть?

– Насколько высока была вероятность того, что у вас обо-их окажется это зеркало? Ты сам это говорил. И... нет, прав-да, насколько? Один к миллиону? Миллиарду? Она была на-столько ничтожна, что...

– Что вот он я, – усмехается Мингю и выдыхает дым через нос.

– Если я правильно понял, это зеркало – что-то вроде две-ри в другой мир. Но что он такое – этот другой мир? Парал-лельная реальность? – Чонхо хмурится до того сильно, что это выглядит даже забавно.

– Если бы была параллельная реальность, она была бы *па-раллельной*, понимаешь? Я тут параллельность едва ли ви-жу. – Мингю делает последнюю затяжку и кидает окурок в окно.

– А твой Тэён... Хм. Ты... ну, влюблялся в него? – начи-нает обстрел вопросами Чонхо, а Мингю мгновенно делает возмущенное лицо и уж очень хочет кинуть в него пустую кружку из-под кофе:

– Боже, что? Нет. Конечно, нет. У Тэёна в башке черт пой-

ми что, и мужиков я там ни разу не замечал.

– Заглядывал, что ли?

– Зачем, если и так показывают с превеликим удовольствием. К чему вообще подобные вопросы?

– Пытаюсь найти эту самую параллельность, – пожимает Чонхо плечами с предельно безразличным видом. – Она есть, но совсем... размытая как бы. Не понимаю ничего, в общем, – хмурится он опять, а Мингю не удерживается от тихого смешка.

– Что, когда ты наконец осознал весь тот пиздец, что произошел, захотел в этом пиздеце покопаться в попытках прогрызть себе путь к истине?

– Не думаю, что она есть – истина эта. Она так же размыта, как наши с тобой параллели, – криво улыбается Чонхо, а Мингю закатывает глаза.

– Сам-то хоть понял, что сказал?

А Чонхо смеется опять. По-чонховски так смеется, привычно очень, тепло, по-домашнему – и пусть это откровенно бредово звучит. Мингю бросает в окно потерянный взгляд и опять задумывается о том, а где он, дом этот. Что значит это его «по-домашнему». Если дом – его мир, правильно ли, что он хочет вернуться не в него, а к людям, что дороги? Значит ли это, что дом – это люди, их любящие сердца, в которые они тебя впустили? И ты впустил – в свое.

Чонхо перестает смеяться и просто улыбается, глядя Мингю за спину в сторону раскрытого окна. А того вдруг от-

пускает резко и молчать уже не хочется – чувство такое, что ответишь на любой вопрос, какой бы тебе ни задали. Чонхо не задает – рассказывает сам. Ерунду всякую, что ничего не значит по сути, но Мингю слушает внимательно, хоть и делает вид, что ему глубоко безразлично каждое слово.

Ему рассказывают о Мине – что он улыбочивый очень и мягкий, не способный другим отказать. Часто теряет нить разговора и в облаках витает. Что любит безразмерные свитера и песни, исполненные на родном языке. Терпеть не может пиво и постоянно ругает Чонхо, ибо у него оно в холодильнике всегда стоит. Мингю слушает все это, слушает и не знает, как относиться к услышанному. Вроде бы про совсем другого человека рассказывают, бесконечно чужого и далекого, но, с другой стороны... Если у медали две стороны, то его вторая сторона – вот такая? В длинных свитерах и с мягкой улыбкой на губах? Похоже на дикость – для Мингю. Он слишком далек от этого всего – далек запредельно.

Был бы он таким, если бы родился в этом мире?

Или стал третьей стороной – той, что пока и не существует вовсе?

– Я порой думаю, что мы только поэтому и поладили так хорошо, – говорит Чонхо. – С ним в принципе ссориться довольно сложно, но когда это случается, обычно он идет мириться первым. Не знаю, как бы все сложилось, если бы он был таким же упертым, как я.

«У меня тебе плохие новости», – хочет сказать Мингю, но

прячет эти слова в дыме сигарет, который выдыхает в уже давно прокуренный воздух кухни. Бессмысленно говорить то, что станет пустым звуком меньше чем через пару часов. Новости, конечно, плохие, но какая разница. Вряд ли они с Чонхо еще успеют столкнуться лбами.

За этим односторонним разговором было бы неплохо поглядывать на время, но когда Мингю вспоминает об этом, настенные часы показывают уже первый час ночи. Чонхо следит за его взглядом и тянет губы в улыбке – пытается, потому что та ломается на полпути. Волнуется, наверное. Мингю оборачивается к окну и смотрит на ночную улицу, которая словно ярче стала после того, как время за полночь перевалило.

Здесь Сеул тоже не спит никогда.

– Может... пойдём? – неуверенно предлагает Чонхо.

Мингю кивает дергано и начинает волноваться сам. Что, если он не сможет вернуться? А Мин попал не в его мир, а черт знает куда? Что, если с Тэёном что-то случилось в его отсутствие?

Они заходят в комнату и садятся: Чонхо – на кровать, Мингю – в компьютерное кресло у стола. Он проворачивается в нем пару раз и сразу же одергивает себя. Понимает, что это одна из его привычек, которые нет желания демонстрировать. Чонхо наблюдает за ним внимательно и молчит – в этот раз напряженно и с таким лицом, будто про себя ведет обратный отсчет.

(До взрыва.)

Когда часы показывают час ночи, Мингю начинает нервно трясти ногой, не отрывая взгляда от минутной стрелки. Легкая занавеска на приоткрытом окне колеблется все сильнее; в комнате начинает пахнуть озоном, будто только что дождь прошел, но на небе облаков нет совсем – там только пульсирующие голубые звезды светят, которых Мингю только пять штук насчитал.

На «1:10» он встает с кресла и подходит к зеркалу. Чонхо подпрыгивает следом, но Мингю отпихивает его вбок – так, чтобы его отражения в зеркале не было. Начинает вглядываться в свое же лицо, шурится беспощадно, пытается высмотреть хоть какие-то изменения, но зеркало молчит – только и остается, что взглядом по его поверхности скрестись.

Чонхо выдыхает шумно, когда минутная стрелка громко щелкает.

Мингю не смотрит на часы – знает, что время они показывают нужное. Напрягается весь, ощупывает взглядом свой силуэт так, словно руками трогает, дышит глубоко и полной грудью, пропускает через себя запах озона, который почему-то слабеет быстрее, чем движется секундная стрелка часов.

Ничего.

В зеркале просто Ли Мингю. Там просто Ли Мингю, чьи синяки под глазами даже в темноте рассмотреть можно. С

пальцами, пропитанными запахом табака. С волосами, выжженными краской. Там просто потерянный Ли Мингю, а через несколько секунд – *найденный* Пак Чонхо, который чувствует неладное и подается вперед, потеснив отражение Мингю своим. Смотрит на него темными глазами через это самое отражение и поджимает губы. Мингю губы поджимает тоже и не знает, что сказать.

– Не вышло? – рвет тишину своим голосом Чонхо.

– Как видишь.

– И что теперь?

– А я знаю?

Мингю трет пальцами переносицу и горько усмехается. Кажется, он знал, что так будет. Всем надломом внутри себя чувствовал. Потому что, когда с ним случается пиздец, это пиздец глобальный, и его не исправить парой банок пива и задушевным разговором на чужой кухне. Неужели он в принципе посмел надеяться на то, что просто дождется нужного времени и все встанет на круги своя?

Он подходит к окну и отодвигает занавеску. Смотрит на темно-фиолетовое небо с пятью яркими звездами, из которых в его мире бы точно сложилась Кассиопея, и резко вздыхает через рот.

– Чонхо.

– Да?

– У вас здесь в сентябре дожди идут?

– Довольно часто, да. Почему ты спрашиваешь? – Чонхо

подходит ближе и встает рядом.

— Каждый раз, когда я чувствовал чужое присутствие, за окном шел дождь. — Мингю переводит на него немного ошеломленный взгляд. — Я понял это только что.

— Ты хочешь сказать, что нам нужно не только определенное время, но и дождь?

— Кажется. Я... не уверен? Я не знаю. — Он опускает взгляд себе под ноги.

— Сезон дождей скоро к концу подойдет, — тихо говорят ему, а Мингю про себя просто на части рассыпается.

Если он вернется в свой мир, то всей душой возненавидит фиолетовый цвет. Все его оттенки.

(Или наоборот — будет пытаться найти его везде.)

Небо — это действительно грань.

Мингю уснул на диване в гостиной. Кажется, это произошло около двух часов ночи, а может, и позже. В памяти отпечаталось лишь то, как они с Чонхо долго стояли у окна в комнате Мина и напряженно молчали, глядя на небо и куря сигареты. Первым зажигалкой чиркнул не Мингю – Чонхо. Наверное, совсем нервы сдали, хоть это и скрывалось тщательно весь вечер. Мингю хорошо помнит, как на него посмотрели просящим взглядом, а он уже на автомате доставал пачку сигарет из заднего кармана.

Они ничего не сказали друг другу после.

После третьей сигареты Чонхо ушел к себе, а Мингю вдруг почувствовал себя болезненно неуютно посреди темной – *чужой* – комнаты. И так захотелось спрятаться куда-нибудь, забиться в один из углов, с темнотой слиться. Исчезнуть просто. Или находиться где угодно, но никак не в комнате, что принадлежит твоему двойнику, который живет жизнью, что тебе не принадлежит и принадлежать не будет никогда.

И чувствуешь себя настоящим вором.

Мингю пытается заснуть на диване, который еще несколько часов назад протирал задницей Чонхо, таращится в темный экран телефона и хочет научиться перестать думать. Мыслей много, мыслей множество, они жрут друг друга,

плюются собой же, умирают, воскресают, лепятся в одно целое и снова рвутся. Мингю жмурит глаза до цветных пятен под веками и ненавидит себя за неумение абстрагироваться – до тех самых пор, пока просто не отключается. Он вымотан, он доведен почти до предела возможностей своих нервов, ему бы просто раствориться в прокуренном воздухе под небом лавандовым и исчезнуть. Хочется очень, да, но какое там. Потому что он даже свои больные сны рассмотреть не успевает, прежде чем его будят, громко на ухо говоря:

– Вставай.

Мингю глаза распахивает сразу, дергано озирается по сторонам, хочет выругаться громко и зачем-то на хуй Тэёна послать, но он смотрит в лицо *взрослого* Чонхо и понимает.

Просто *понимает*.

– Что-то случилось?

– Нет, – мотает головой Чонхо, – просто пора вставать.

И, знаете, в данной конкретной ситуации ответ «нет» ни черта не радует. Потому что ничего не случилось – все, что могло, *уже* произошло.

Мингю хочет потянуться, но сдавленно ойкает, когда понимает, насколько затекли ноги: на диване он помещается лишь в скрюченном положении. Но дареному коню, как говорится. Он нехотя промаргивается и переводит сощуренный взгляд на настенные часы. Начало седьмого утра. Если бы Мингю разбудил Тэён, того бы точно настиг зомби-апокалипсис во всей красе.

– Какого лешего тебе не спится в такое время?

Чонхо перестает начесывать раскрасневшийся нос и смотрит на него удивленно и немного растерянно.

– Так в универ же.

– А я здесь при чем?

– Ты тоже пойдешь.

– На кой хрен?

Чонхо молчит, явно формулируя про себя длиннущее такое предложение, а Мингю елозит по зубам языком и думает лишь о том, как бы почистить зубы, потому что во рту такая помойка, будто вчера он удолбался паленым вискарем и курил чай из пакетиков, предварительно забитый в косяк из дешевой туалетной бумаги.

И кофе потом выпить тоже бы не помешало.

– Мингю не пропускает занятия, – наконец говорят ему.

– Ты хочешь, чтобы я вместо него пошел? – вздергивает он брови.

– А что еще делать?

– Ты серьезно? Нет, погоди, ты реально серьезно? – Мингю почти начинает смеяться, но бок простреливает колющая боль. Совсем старый стал.

Чонхо хмурится и угрюмо глядит на него из-под длинной челки. Будто думает, что вот посмотрит так – и сразу все свои мысли и доводы в пользу «за» в чужую голову вложит. Мингю на чужие потуги лишь пренебрежительно машет рукой и откидывается обратно на диван, всем своим видом по-

казывая, что идти никуда не намерен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.